

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

СИРИЛ
ХЕЙР

ПРОСТЫМ УДАРОМ
ШИЛА

СМЕРТЬ БРОДИТ
ПО ЛЕСУ

Сирил Хейр
Простым ударом шила.
Смерть бродит по лесу
Серия «Золотой век
английского детектива»
Серия «Фрэнсис Петтигрю»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65417721

Простым ударом шила. Смерть бродит по лесу: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-136757-2

Аннотация

Адвокат Фрэнсис Петтигрю призван на службу в канцелярскую контору. Но помирать со скуки не придется! На досуге сотрудники развлекаются тем, что придумывают сюжет идеального преступления. А тем временем реальная жизнь подкидывает загадки посложнее: сначала шпионаж, затем и самое настоящее убийство, для которого, казалось бы, нет никаких мотивов. Полиция в тупике – приходится начинать собственное расследование. А тут еще и сердечные дела не дают Петтигрю покоя...

И снова Петтигрю расследует убийство. На сей раз причин для него с избытком: немало жителей тихой деревушки точили

зуб на несчастную жертву. Да и не так уж проста эта кроткая овечка, после гибели которой открывается столько тайн. Улик и вовсе предостаточно: странное письмо, бриллиантовая сережка, найденное мальчишками орудие убийства. Но кто же совершил это преступление под тисами, если кажется, что у всех подозреваемых есть алиби?

Содержание

Простым ударом шила	6
Глава первая. Петтигрю отправляется на север	6
Глава вторая. Рождение сюжета	14
Глава третья. Дело Бленкинсопа	29
Глава четвертая. Благородный поступок в столовой	43
Глава пятая. Встреча в «Бойцовом петухе»	57
Глава шестая. Вопрос о страховке	75
Глава седьмая. Ответ на письмо	86
Глава восьмая. Шум в коридоре	95
Глава девятая. Действие начинается	108
Глава десятая. Свистящий чайник	127
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Сирил Хейр
Простым ударом шила.
Смерть бродит по лесу

Cyril Hare

WITH A BARE BODKIN

THAT YEW TREE'S SHADE

© by Charles Gordon Clark

© Cyril Hare, 1946, 1954

© Перевод. И. Доронина, 2021

© Перевод. А. Комаринец, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Простым ударом шила

Ф.Ф.Г.С., «единственному вдохновителю...»

Глава первая. Петтигрю отправляется на север

Фрэнсис Петтигрю угрюмо смотрел через окно своей адвокатской конторы в Темпле¹ на деревья вдоль Эмбанкмента² и серое мерцание реки за ними. Пейзаж никак нельзя было назвать непривлекательным, однако его он не радовал. Петтигрю был человеком консервативного склада и за двадцать лет привык видеть из этого окна мягкого красного цвета кирпичную стену в двадцати шагах от себя. Два месяца назад фугасная и несколько зажигательных немецких бомб открыли обзор, разрушив кирпичную стену и два квартала домов, скрывавшихся за ней. В первый раз с того времени

¹ Темпл (от *англ.* temple – храм) – комплекс зданий в Лондоне, где располагаются инны – судебные корпорации адвокатов, имеющих право выступать в высших судах. Построен на месте, где в XII–XIV веках жили рыцари-тамплиеры и где стоял их храм. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Принятое в разговорной речи сокращенное название Набережной Виктории (Victoria Embankment) – одной из наиболее красивых набережных Лондона; расположена между Вестминстерским мостом и мостом Блэкфрайарз.

как были построены, здания Темпла оказались у всех на виду. Петтигрю считал, что в этом есть нечто неприличное.

Вздохнув, он повернулся к человеку, стоявшему у него за спиной.

– Ну вот, – сказал он, – теперь на некоторое время это – твое. Если не считать пробоины в потолке, помещение неплохо сохранилось. Тем не менее будь осторожен с книгами. Некоторые из них весьма грязны. Особенно Мизон и Уэлсби вон там, в углу, на них просыпалось больше всего сажки из дымохода в соседней комнате. И разумеется, там-сям можно напороться на стекло. Полагаю, ты не собираешься перевозить сюда много своих книг?

Мужчина усмехнулся и ответил:

– О нет, совсем немного. А точнее сказать, только один том Хэлсбери. Я случайно прихватил его с собой в тот первый ночной налет. Это едва ли не единственная реликвия, сохранившаяся от блаженной памяти помещения суда Малберри. Очень любезно, что ты предоставил свою контору в наше распоряжение. Не представляю, что бы мы делали, если бы...

– Ни слова более, старина. Это ты окажешь мне любезность тем, что не дашь выстыть помещению, пока я буду отсутствовать.

– Когда ты уезжаешь?

– Сегодня же, как всегда. Я чувствую себя немного глу-

повато, начиная новую карьеру в моем возрасте, но, похоже, там я действительно нужен и не считаю себя вправе отказать.

– А что именно за работа тебя ждет? Полагаю, она имеет отношение к одному из этих министерств?

Петтигрю напустил на себя чрезвычайно важный вид.

– Контрольное управление мелкой продукции, точнее булавок, – ответил он торжественно и добавил: – Когда-нибудь слышал о таком?

– Э-э... кажется, что-то слышал. Оно контролирует производство и торговлю всякой мелочью, полагаю?

– Насколько я мог понять, это весьма неточное описание его деятельности. Джентльмен, который беседовал со мной при приеме на работу, – а он был, заметь, ни больше ни меньше как заместитель помощника самого начальника управления, – дал мне понять со всей определенностью, что от деятельности управления зависит вся... Я забыл, как он выразился, но, уверяю тебя, это произвело на меня глубочайшее впечатление, я хотел сказать, впечатление, превышающее масштабы мелкой продукции. И как юрисконсульт управления я буду представлять собой в некотором роде влиятельное лицо. Ты мог бы это понять, если бы потрудился заглянуть в шедевр развлекательной литературы под названием «Регламент ограничительных мер Управления мелкой продукции» от 1940 года, но я не советую тебе этого делать без крайней надобности.

– Не возьму в толк, почему ты не можешь консультировать их отсюда, из Темпла.

– Честно признаться, я тоже. Но Контрольное управление мелкой продукции базируется в Марсетт-Бее, туда я и направляюсь.

– Марсетт-Бей. Дай-ка подумать, где же это?

– Не ломай голову. Это где-то в районе Полярного круга, насколько я себе представляю. В самой глубинке. Нет, даже хуже – на самом краю того, что Шекспир назвал нашим «островом зубчатым Альбиона»³. Так или иначе, билет у меня в кармане, и если я не двинусь в путь сейчас же, то опоздаю на поезд. До встречи, старина. Присматривай за контрой. Если камин начнет дымить, что всегда случается при восточном ветре, лучше всего поднять дальнее окно дюймов на шесть и оставить дверь чуть приоткрытой. Тогда весь дым пойдет в соседнюю комнату, где работают клерки. Увидишь, это очень помогает, если, конечно, за дверью тебя не ждет особо важный клиент. Я напишу тебе и расскажу, как у меня дела. Могу даже прислать карту образцов мелкой продукции, обращающейся на черном рынке.

В отличие от большинства людей, обещающих писать и рассказывать о своих делах, Петтигрю сдержал слово. Не прошло и двух недель после его отъезда в Марсетт-Бей, как его арендатор получил первое письмо.

³ Уильям Шекспир. Генрих V. Акт 3, сцена 5. Перевод Е. Бируковой.

«Дорогой Билл, – говорилось в нем, – тебе когда-нибудь снилось, что ты живешь в мраморных хоромах? Если да, то мне нет нужды описывать тебе это место. Полагаю, оно было задумано первым и, к счастью, последним лордом Эглуисвровом как величественный храм наслаждения, и построил он свою пирамиду (в которую вполне вписались столы Контрольного управления мелкой продукцией) как раз накануне войны. Для этого безобразного сооружения он выбрал поистине восхитительное, хотя и чертовски ветреное место на высоком берегу моря. Как мог человек серьезно намереваться жить в таком чванном великолепии, не представляю. Вероятно, это и невозможно. По крайней мере его светлость умер через два месяца после того, как предпринял попытку, и с тех пор замок пустовал, пока какому-то гению не пришло в голову, что мраморные хоромы – идеальное место для обитания взводов машинисток, а бесконечные коридоры просто созданы для женщин-посыльных, чтобы бегать по ним, стуча каблуками, с папками или, того хуже, с чайниками в руках.

Мне выпала удача стать обладателем отдельной, умеренно тихой маленькой комнаты, предназначавшейся, как я догадываюсь, в качестве обители одному из слуг высшего ранга. В еще более тесной камерке рядом с моей расположилась моя секретарша. Она производит впечатление вполне квалифицированного работника и, слава богу, не склонна к болтовне – то ли немая, то ли просто робкая, этого я еще не понял, и лицо у нее из тех, что, раз увидев, никогда не вспом-

нишь. Так или иначе, сравнивая ее с другими здешними дамами – а я никогда и представить себе не мог, насколько забито женщинами будет это место, – я имею все основания быть благодарным судьбе за мою мисс Браун.

Что касается прочих сотрудников заведения, у меня пока не было возможности в них разобраться. Разумеется, есть начальник управления. Он обитает в олимпийском уединении библиотеки лорда Эглуисврва. Думаю, он представлял бы собой вполне разумное человеческое существо, не будь он Высокопоставленным Государственным Служащим, на время одолженным министерством финансов для руководства этой аферой. Но как таковой он малодоступен. В труппе, подобной нашей, изобилующей дилетантами и временными работниками вроде меня, он редко кого хвалит и с очень немногими вообще разговаривает. Бедняга! Полагаю, в конце войны он получит за свой тяжкий труд орден Бани или нечто подобное, но это будет вполне заслуженно.

Единственно, с кем я успел познакомиться ближе, – это сотрудники, живущие в служебной гостинице, или пансионе, который приютил и меня. Все они представляют собой братство (или сестринство) адептов мелкой продукции, и я полагаю, что получу массу удовольствия, наблюдая за особенностями их поведения. Кроме мисс Браун, здесь имеется некое странное существо по имени Гонория Дэнвил, чья основная функция в управлении состоит в приготовлении чая – излишне говорить, что это самое важное событие рабо-

чего дня. Мисс Дэнвил – заметно глуховатая пожилая дружеская дама, но, надо признать, определенно чокнутая. Еще есть мисс Кларк, горгона, которая управляет своим департаментом лицензирования с чудовищной эффективностью и которую я боюсь до смерти.

Что касается мужской части компании, то следует назвать препротивного малого по фамилии Рикаби, затем бывшего секретаря поверенного по фамилии Филипс – добропорядочного господина средних лет, который, подозреваю, имеет виды на мисс Б. (кстати, ты должен его помнить, ведь фирма «Мэйхью и Тиллотсонз», если не ошибаюсь, была вашим клиентом), а также существо в роговых очках, некто Иделман, которого я пока не раскусил, могу лишь сказать, что он чрезвычайно умен и превосходно играет в бридж.

Не буду утомлять тебя дальнейшими описаниями, упомяну лишь еще об одном весьма забавном открытии, которое я сделал. Скромный человечек по фамилии Вуд оказался не кем иным, как писателем-детективщиком Эймиасом Ли. Уверен, что тебе попадалось кое-что из его писаний – порой довольно занимательных, хотя представления об уголовном судопроизводстве у него дикие. Очевидно, в течение некоторого времени он сохранял здесь свое инкогнито, поэтому смутился и покраснел до корней волос, когда я его разоблачил. Ему следовало бы присмотреться к местному колориту – прекрасный антураж для совершения убийства.

Кстати, это правда, что Барроуза-младшего прочат в

Апелляционный суд? Мне казалось, что...»

Окончание письма представляло сугубо профессиональный интерес.

Глава вторая. Рождение сюжета

Новость о том, что мистер Вуд пишет, вызвала живейший интерес среди обитателей пансиона «Фернли». Следует признать, что интерес этот не был ни в коей мере обусловлен знакомством с произведениями мистера Эймаса Ли. Каждый член маленького коллектива тем не менее счел своим долгом по крайней мере как-то объяснить то, что не читал их. У мисс Кларк было «слишком мало времени для чтения», что при ее плодотворной сосредоточенности на том, чтобы заставить своих подчиненных работать максимально быстро, казалось немного удивительным. Вне работы она интересовалась только кинофильмами и не скрывала своего негодования по поводу того, что единственный в Марсетт-Бее кинотеатр мог позволить себе менять программу лишь раз в неделю. Мисс Дэнвил, напротив, имела массу свободного времени для чтения. Ее редко можно было увидеть без книги, но это почти всегда была одна и та же книга – маленький томик в кожаном переплете. Прочсть название книги возможным не представлялось, однако по выражению, которое приобретало лицо мисс Дэнвил, когда она в нее углублялась, нетрудно было догадаться, что книга религиозная. Учитывая это обстоятельство, было лишь естественно, что она тоже понятия не имела ни о «Смерти на станции «Бейкерлоо», ни о «Загадке скрученного галстука», ни о других творениях Эй-

миаса Ли. Но весьма неожиданно она искренне расстроилась по этому поводу.

– Когда-то мне очень нравились детективы, – объяснила она, – но теперь я перестала читать подобную литературу. – И она снова опустила взгляд в свою кожаную книжку.

Мисс Браун, когда ее спросили, только покачала головой, и ни у кого, тем более у скромного мистера Вуда, не хватило духа поинтересоваться причинами у особы столь юной, столь робкой и столь очевидно ошеломленной встречей с писателем во плоти.

Мужчины тоже, как выяснилось, не внесли своей лепты в авторские гонорары мистера Вуда. Мистер Иделман при упоминании псевдонима пристально посмотрел на его обладателя, пробормотал: «Боюсь, что нет» – и на этом закрыл для себя тему. Деликатный плешивый мистер Филипс, стараясь быть вежливым, заявил, что наверняка читал его книги – он берет в библиотеке все детективы. К сожалению, он никогда не запоминает ни их названий, ни фамилий авторов. Ни, судя по всему, содержания. Мнения Рикаби по обсуждаемой теме услышать не довелось. В тот вечер он отсутствовал, чему его соседи по пансиону были только рады. Таким образом, Петтигрю остался единственным признанным представителем читательской аудитории Эймиаса Ли. Право считать себя таковым давал ему тот факт, что он рецензировал два его последних сочинения для некоего юридического журнала, и, вспомнив о том, сколько процессуальных ошибок на-

шел у автора, он возблагодарил издателей за то, что рецензии не были подписаны.

Однако все, особенно дамы, выразили безоговорочное мнение, что необходимо, не теряя времени, приобрести и прочесть все произведения мистера Вуда. Даже мисс Дэнвил, готовая ради такого случая разок спуститься с небес, не усомнилась в правильности такого решения. Намного интереснее, заметила она, прочесть книгу, будучи знакомой с ее автором. Мисс Браун свое согласие с этим суждением выразила неким нечленораздельным бормотанием. Однако здесь возникла трудность. Книги Эймаса Ли не входили в число бестселлеров. И он сам скромно признался, что в настоящий момент их нелегко достать. Дефицит бумаги вынудил его издателей убрать их с рынка. Война вообще поставила писателей в весьма затруднительное положение. Конечно, можно еще где-нибудь найти экземпляр по чистой случайности. Но в книжном магазине Марсетт-Бея нет ни одного – на днях он сам просмотрел там все полки. Нет, ни по одному из его произведений фильмов еще не снимали. Голливуд пока не выказал к ним интереса. Конечно, всякое может случиться, но ведь выбор книг так велик...

Все присутствовавшие разочарованно вздохнули. Иметь в своих рядах писателя – событие незаурядное, однако писатель, чье авторство приходится принимать на веру, не совсем то.

Очевидное решение проблемы предложила Веселая Вдо-

ва.

Веселой Вдовой была миссис Хопкинсон. Они с мисс Кларк вместе учились в школе, и этот факт придавал ей смелости обращаться с этой грозной женщиной без надлежащего пиетета, несколько даже дерзко, чего никто другой в управлении себе никогда бы не позволил. На удивление, мисс Кларк не только терпела подругу, но даже находила удовольствие в ее обществе. Они вместе почти каждый день совершали какие-нибудь вылазки, регулярно раз в неделю посещали кинотеатр и вне работы называли друг друга по имени. Больше всего миссис Хопкинсон подходило определение «веселая и беззаботная». По ее собственным словам, она была «всегда на подъеме». Ее природную миловидность, которую она, приложив немало стараний, сумела все-таки подпортить, выкрасив волосы в устрашающего оттенка бронзовый цвет, дополняли неистощимая жизнерадостность и хотя и вульгарный, но добрый нрав, которому было трудно противиться. Лет ей было, как она любила, хохоча, сообщать, «ровно тридцать девять».

В тот самый вечер, когда двойственность личности мистера Вуда была разоблачена, она «заскочила», как делала частенько, в гостиницу поболтать с мисс Кларк и осталась поиграть в бридж. К обсуждавшемуся предмету миссис Хопкинсон, разумеется, проявила горячий интерес. Пока разыгрывался роббер, она говорила мало, но по тому, как она играла – а играла она еще более небрежно, чем всегда, – было

видно, что голова ее занята отнюдь не картами. Как только роббер закончился, она, не удостоив ни словом извинения своего несчастного партнера, мистера Иделмана, встала из-за стола с видом человека, нашедшего великое решение.

– Я знаю, что делать! – объявила она. – Слушайте все! Мистер Вуд напишет новую книгу.

– Ну, я надеюсь, конечно, – снисходительно ответил мистер Вуд. – Но сейчас у меня нет времени для писательства. Здешняя работа...

– Нет-нет, мистер Вуд! – лукаво воскликнула Веселая Вдова. – Дослушайте до конца. Вы напишете новую книгу, и вся она будет про нас!

– Но, миссис Хопкинсон, ради бога! – Лицо мистера Вуда сморщилось в замешательстве. – Я не смогу! Я никогда не делаю реальных лиц персонажами своих книг. Так книги не пишутся. По крайней мере я так не делаю. Это невозможно объяснить, но... это... это...

– О, разумеется, я вовсе не имела в виду скромных маленьких людей, каковыми мы являемся! Не сомневаюсь, это было бы слишком скучно. Вы, естественно, всех нас выведете под масками – возможно, лишь легкими штрихами слегка проявив то, что есть в нас худшего, чтобы было интереснее. А потом мы все повеселимся, читая книгу и гадая, кто есть кто. Не сомневайтесь, у вас будет куча читателей.

– И куча исков, смею предположить, – пробормотал Петтигрю. Мистер Вуд застонал.

– Нет, серьезно, – вступила мисс Кларк своим низким голосом, – разве управление не представляет собой весьма подходящий антураж для одной из ваших историй, мистер Вуд? Я всегда воображала, что таинственные убийства происходят в больших домах, набитых людьми, чтобы как можно больше затруднить решение загадки. А здесь как раз огромный дом, и в нем полно народу. Я думаю, это именно то, что вам нужно.

– Ну да, – согласился мистер Вуд. – Не скажу, чтобы мне самому это не приходило в голову. Разумеется, пишущий человек всегда невольно высматривает подходящий антураж.

– Человек, пишущий книгу о нас! – победно воскликнула миссис Хопкинсон. – Я знала, что вы не устоите.

– Нет-нет! Ничего подобного я не говорил. У меня в настоящий момент и сюжета-то нет. Я сказал лишь, что согласен с мисс Кларк в том, что управление могло бы стать неплохим местом действия для книги. Если бы у меня было время писать и был сюжет, конечно, – добавил он.

– Не сомневаюсь, вы легко находите сюжеты, – сказала миссис Хопкинсон с ослепительной улыбкой.

– Уверяю вас, далеко не всегда.

– Но мы вам в этом поможем, ведь правда? – обратилась она к присутствующим. – Давайте приступим к делу прямо сейчас. Кто у нас будет убийцей?

– Сначала надо решить, кого убьют, не так ли? – возразил мистер Иделман, в первый раз за все это время оторвав-

шись от газеты, в которую спасительно уткнулся, как только закончился роббер.

– Кого вы придумываете в первую очередь, мистер Вуд, – спросила Веселая Вдова, – убийцу или бедную жертву?

– Признаться, не могу сказать, – ответил встревоженный автор. – Никогда не задавался этим вопросом. Но вообще-то трудно придумать убийцу, не имея жертвы. Это как курица и яйцо.

– А правда, что вы всегда начинаете писать с последней главы? – поинтересовалась мисс Дэнвил.

– Разумеется, нет. Как можно сказать, чем окончится книга, если вы еще не начали ее писать?

– Не хотите ли вы сказать, – строго-неодобрительно вклинилась мисс Кларк, – что можете начать писать книгу подобного рода, не зная, какой будет развязка?

– Я вовсе не это сказал. Я лишь имел в виду, что...

– Внимание, внимание! – перебила его мисс Кларк, хлопая в ладоши и призывая всех к порядку. – Мы не с того начали. Вопрос состоит в том, кого мы хотим видеть в качестве жертвы.

Петтигрю показалось, что первым отозвался мистер Филипс, но мистер Иделман, мисс Кларк и мисс Браун находились так близко у него за спиной, что предложения прозвучали почти хором:

– Рикаби.

– Великолепно! Один вопрос мы решили. Теперь кто...

– Минуточку... – Было очевидно, что мистер Вуд невольно начинал испытывать интерес. Словно Эймиас Ли зашел велился под скромным обличем временного гражданского служащего. – Минуточку. Я не уверен, что хочу убивать Рикаби.

– Не хотите его убивать? Но почему, мистер Вуд? Мы все этого хотим. Он же такой противный.

– Нет-нет. Я говорю не о своем личном отношении. Я говорю как писатель. Просто я не вижу Рикаби в роли убиенного. Он не – как бы это выразиться? – недостаточно значителен. Мне всегда нужна какая-то центральная фигура, на которой можно сосредоточить массу всевозможных мотивов – ревность, ненависть, страх и так далее. Тогда появляется материал для работы. Ничтожный негодяй, которого все терпеть не могут, такого материала собой не представляет.

– Я старомоден, – заметил Петтигрю. – Дайте мне труп миллионера в библиотеке, и я буду вполне доволен.

Вуд понимающе посмотрел на него.

– Именно, – медленно произнес он. – Вот мы и начинаем кое-что нащупывать. Вы имеете в виду то же, что и я?

Петтигрю улыбнулся и кивнул.

– О чем вы говорите? – раздраженно спросила Веселая Вдова. – Нет у нас тут никакого миллионера!

– Зато есть очень подходящая библиотека, – сказал Петтигрю.

Вуд набивал трубку с видом величайшей сосредоточенно-

сти.

– Два входа и французские окна, выходящие на террасу, – бормотал он. – Я обратил на это внимание в первый же раз, когда вошел туда. Идеально.

Миссис Хопкинсон в недоумении переводила взгляд с одного на другого, но потом ее внезапно осенило, и она захлопала в ладоши.

– Начальник управления! – воскликнула она. – Как же мы не подумали об этом раньше? Ну разумеется! Мы выстроим прекрасный сюжет вокруг убийства управляющего!

– Право, – сказала мисс Кларк своим офисным голосом, голосом, которым имела обыкновение пользоваться, когда желала нагнать страх и уныние на весь свой департамент лицензирования. – Шутка есть шутка, я понимаю, Элис, но нельзя забывать о служебной дисциплине, а это...

– Послушай, Джудит, если ты собираешься испортить нам все удовольствие, я перестану с тобой разговаривать! Мы сейчас не на работе и можем говорить все, что хотим. Кроме того, мистер Вуд настоящий писатель, и если он говорит, что убитым должен быть управляющий, значит, так тому и быть. Итак, кто же у нас будет убийцей?

– Вам не кажется, что мы похожи на майских психов? – спросил мистер Филипс.

– Весьма! – довольно хихикнула миссис Хопкинсон. – И как же нам убрать его, убрать его, убрать его? – подхватив аллюзию, промурлыкала она на мотив детской песенки.

Но тут на ноги поднялась мисс Дэнвил.

– Простите, но я лучше пойду лягу, – сказала она едва слышно, но решительно. – Мне не нравится эта... эта дискуссия о том, как лишить жизни человеческое существо. Даже в шутку. Это... это непристойно. Особенно сейчас, когда столько мужчин и женщин реально гибнет во всем мире. Знаю, я тоже виновата, поскольку поначалу бездумно присоединилась к этой игре. Но раз дело дошло до выбора одного из нас на роль Каина... Прошу меня извинить. – Она с достоинством вышла из комнаты, зажав в руке свою маленькую книжицу в кожаном переплете.

Несколько мгновений после ее ухода стояла тишина, затем послышался тихий голос мисс Браун.

– О, бедная мисс Дэнвил! – пробормотала она с искренней жалостью.

Петтигрю не мог не заметить, с каким сочувствием и восхищением посмотрел на нее при этом мистер Филипс. Было очевидно, что независимо от того, разделяет он ее чувства или нет, сердечная доброта маленькой секретарши тронула его.

«Черт возьми! – подумал Петтигрю. – Похоже, он действительно к ней неравнодушен!» Эта мысль обеспокоила его. Не скажется ли это на эффективности работы мисс Браун, а он весьма ценил ее в качестве своего секретаря.

Других сочувствующих мисс Дэнвил не нашлось.

– Наверняка за всех нас сегодня усердно и искренне по-

молятся, – пренебрежительно бросила мисс Кларк. Судя по всему, она преодолела неудовольствие, которое сначала вызвало у нее предложение убить управляющего, потому что добавила: – Продолжай, Элис.

– На чем я остановилась? Ах да! Конечно, на поисках убийцы. Есть ли среди нас кто-нибудь достаточно кровожадный, чтобы стать злодеем? Не хочу сказать, что мне никто не приходит на ум...

– Если вы имеете в виду Рикаби, – авторитетно заявил Вуд, наблюдая за тем, как кольца дыма от его трубки поднимаются к потолку, – то он совсем не годится.

– О, мистер Вуд, имейте же совесть! – застонала Веселая Вдова.

– Но он действительно не годится, – не отступал романист. – Вы сами только что это подтвердили. Если человек представляет собой персону, от которой легко ожидать преступления, он не может быть злодеем в детективной истории. Иначе откуда же возьмется интрига? Здесь, безусловно, требуется человек, от которого вы ждете преступления меньше всего.

– У меня есть некоторый опыт в подобных делах, как вы понимаете, – заметил Петтигрю. – Должен сказать, что полиция почти всегда в первую очередь обращает внимание на самого очевидного подозреваемого. И как это ни огорчительно, едва ли не всегда оказывается права.

– Так мы ни до чего не договоримся, – выразила недо-

вольствие миссис Хопкинсон. – Вы посмотрите, как уже поздно! Через пять минут мне нужно уходить, а я ни за что не усну, если мы не решим этот вопрос. Мистер Вуд, кто, по-вашему, это должен быть?

– Именно это я и пытаюсь осмыслить. Нужен кто-то неожиданный. Но это, полагаю, можно сказать о каждом из нас. Трудность состоит в том, чтобы найти правдоподобный мотив для убийства управляющего, мотив в подобном деле – половина успеха.

– Иногда всем нам хочется его убить, – вставил Иделман.

– Разумеется, но я говорю не об этом. Естественно, все мы будем подозреваемыми. Да любой служащий управления может им быть. Нет никакой причины ограничиваться только присутствующими. – Он помолчал и добавил: – Нет, если бы я выбирал злодея, то склонился бы к кандидатуре мисс Дэнвил.

– О, но это неблагородно! – не сдержала осуждения мисс Браун.

– Милое дитя, это всего лишь игра, – укоризненно сказала мисс Кларк.

– Мисс Дэнвил, – повторил мистер Вуд. – Не знаю, приходило ли это вам в голову, но она так религиозна, что порой это кажется даже немного ненормальным. Разумеется, исключительно из литературных надобностей можно было бы преувеличить это отклонение от нормы, снабдить управляющего каким-нибудь тайным грехом, который она неожидан-

но обнаружит, и при соответствующих обстоятельствах...

– Религиозный фанатизм? – с сомнением произнес мистер Филипс. – Кажется, я уже читал нечто подобное. Я никогда не запоминаю названий книг, но...

– Конечно, где-то это уже было, – нахмурившись, перебил его мистер Вуд. – Все было. В этом главная трудность нашей игры. Но меня попросили с ходу придумать сюжет, и это лучшее, что я смог сделать. Простите, если...

– О, мистер Филипс совсем не то имел в виду, – поспешила заверить миссис Хопкинсон. – Я нахожу вашу идею превосходной и не сомневаюсь, что мы все ее поддержим. А когда будет написана книга, уверена, никто не разгадает секрета до самой последней главы, за исключением нас, которым повезло находиться у ее истоков. Вы ведь напишете ее, мистер Вуд, правда?

Он покачал головой:

– Боюсь, что нет. Даже если бы у меня здесь было время писать, я бы не смог этого сделать – поместить в книгу реальных людей.

– Ну, если вы отказываетесь, что весьма печально... Тем не менее не будет никакого вреда, если мы попытаемся себе представить, какой могла бы быть эта книга, как могли бы в ней развиваться события. К тому же это может вам пригодиться, если вы когда-нибудь потом все же соберетесь ее написать, пусть даже она будет о чем-нибудь совершенно другом. Не правда ли? Уверена, что мы все будем очень рады

вам помочь.

– Я вас не совсем понимаю.

– Полагаю, – в своей тяжеловесно-педантичной манере произнес Иделман, – миссис Хопкинсон имеет в виду, что мы могли бы скрасить свой досуг конструированием воображаемого детективного сюжета, строя догадки и предлагая варианты...

– Именно!

– При том, что вы, безусловно, будете нашим, так сказать, главным редактором. Это может оказаться забавным.

– Ну, в этом, конечно, что-то есть, – признал Вуд. – Только я не совсем понимаю, как...

– Мои дорогие, я должна бежать! – воскликнула миссис Хопкинсон, поспешно собирая свои вещи. – Вы только посмотрите на часы! Огромное спасибо за чудесный вечер. Думаю, это захватывающая идея. Позднее мы непременно обговорим ее более подробно. Наверняка мне сегодня будут сниться кошмары! Всем спокойной ночи!

После ее скоропалительного отбытия компания распалась. Немного спустя остальные дамы отправились спать, за ними последовали Филипс и Вуд. Петтигрю остался, он сидел, уставившись в огонь и на особый манер морща нос, как делал всегда, когда глубоко задумывался. Потом он взглянул на сидевшего в другом конце комнаты Иделмана, и у него вырвался сдавленный смешок.

– Что вас развеселило? – Иделман так редко задавал пря-

мые вопросы, что эффект оказался неожиданным.

– Просто я подумал, что на довольно долгое время вы наверняка избавились от миссис Хопкинсон в качестве своей партнерши по бриджу.

Иделман невесело рассмеялся.

– Единственная польза от всей этой затеи, – сухо согласился он. – По крайней мере теперь ей будет чем еще заняться.

– Совершенно верно. Остается лишь надеяться, что польза не уравновесится вредом, – сказал Петтигрю.

Однако особой надежды в его голосе заметно не было.

Глава третья. Дело Бленкинсопа

Замок покойного лорда Эглуисврва представлял собой прямоугольное трехэтажное, непропорционально длинное строение, рискованно балансирующее на середине крутого склона горы в северной части Марсетт-Бея.

Главный вход был обращен к горе, а цокольный этаж, глядящий в сторону моря и в соответствии с рельефом местности поддерживаемый грузными колоннами из нетесаного камня, парил над запущенным садом, сбегавшим к пляжу. Под ним находился полуподвал, расположенный таким образом, чтобы челядь его светлости пользовалась северным, проникавшим через зарешеченные окна светом, не отвлекаясь при этом от исполнения своих обязанностей на созерцание бухты, расположенной с южной стороны. Теперь эта часть дома пустовала. Ее оборудовали под бомбоубежище, и это было бы прекрасное бомбоубежище, если бы в Марсетт-Бее слышали о воздушных налетах.

Спальный этаж замка был забит многочисленной документацией Управления мелкой продукции. Под тяжестью скопившихся папок пол уже просел в одном или двух местах, и, чтобы не дать ему провалиться, потребовалось срочно установить среди орнаментальных колонн нижних комнат несколько неуместных здесь деревянных подпорок.

Основная работа Контрольного управления мелкой про-

дукции происходила в цокольном этаже. Покойный владелец велел своему архитектору спланировать для него анфиладу длинных, с очень высокими потолками, изысканно-уродливых комнат, занимавших площадь, достаточную для того, чтобы принять половину населения округа плюс еще немного. Министерство общественных работ приняло участие в их мебелировке столами и офисными стульями, а также в разделении их, где необходимо, на клетушки перегородками из фанеры и шероховатого матового стекла, которые не перекрывали расстояние до потолка и наполовину. Но даже при этом, как заметила миссис Хопкинсон, результат получился не слишком уютным.

Даже у мисс Кларк, при ее высоком положении в иерархии управления, фактически не было отдельного кабинета. В этом ей повезло меньше, чем Петтигрю, но невезение сказалось главным образом на ее подчиненных по департаменту лицензирования. Из-за тонкой перегородки, которая отделяла мисс Кларк от рядового состава, она слышала все, что происходило в их комнате, и подчиненные знали, что она может в любой момент ворваться туда и обрушиться на бедолагу, проявившего неосмотрительность. Мисс Кларк была большой мастерицей этого дела.

Наутро после «убийственного» обсуждения в пансионе «Фернли», словно бы во искупление легкомыслия, с каким позволила вовлечь себя в него, мисс Кларк была в наилучшем расположении духа. В комнату она врвалась часто

и яростно, пребывая в настроении, свойственном время от времени всем способным организаторам, когда они желают сунуть нос в каждую мелкую подробность работы каждого сотрудника. В результате у ее подчиненных выдалось нервное утро. Даже миссис Хопкинсон не избежала ее нападков. Но к тому времени все уже давно привыкли к особенностям поведения мисс Кларк. Кстати, следует признать, что своими рейдами устрашения она сделала свой департамент безоговорочно самым эффективным во всем управлении. Клиентам, обращавшимся за получением лицензий на производство, приобретение или продажу мелкой продукции, ее сотрудники казались уклончивыми, нерасторопными и невозмутимо наглыми, но с административной точки зрения они были почти идеальны. Они знали все ответы, даже ответы на вопросы мисс Кларк. По крайней мере так казалось, пока мисс Кларк в недобрый час не понадобилось дело Бленкинсопа.

– Мисс Дэнвил! – Из-за двери отсека мисс Кларк показалась ее львиная голова. – Мисс Дэнвил!

Гонория Дэнвил, хотя она тщетно надеялась, что никто этого не замечает, была более чем немного глуховата. К тому же и мысли ее в тот момент витали где-то в другом, далеком от работы месте. В последнее время ей становилось все труднее сосредоточиться на мирских делах, в то время как мир иной с каждым днем делался ближе и важнее. Тем не менее второй оклик был достаточно громким, чтобы вернуть ее к

окружающей действительности и встревожить. Она встала, слегка дрожащими пальцами одернула платье и ответила:

– Да, мисс Кларк.

– Принесите мне, пожалуйста, дело Бленкинсопа ХР 782. – Голова исчезла за дверью.

Мисс Дэнвил безнадежно посмотрела на разбросанные по столу бумаги и начала искать. Ей всегда требовалось вдвое больше времени, чем кому бы то ни было, чтобы найти папку. Мисс Дэнвил с искренним сожалением признавала за собой этот недостаток и смирилась с ним, но на сей раз приступила к исполнению задания с отчаянием. Ее глодало смутное предчувствие, что нужная папка не отыщется. И как оказалось, предчувствие не обмануло. Пять минут спустя она поплелась в отсек мисс Кларк в конце длинной комнаты с пустыми руками.

Мисс Кларк, не поднимая головы от стола, протянула руку за папкой. Этот жест был характерен для нее, когда она пребывала в крайне дурном настроении, и, вероятно, был призван подчеркнуть, что сотрудники являются скорее механизмами, служащими интересам Управления мелкой продукции, нежели живыми людьми. Но в данный момент механизм не сработал. Протянутая рука осталась пустой. После паузы, во время которой она нарочито внимательно читала письмо, зажатое в другой руке, мисс Кларк заставила себя обратиться к мисс Дэнвил как к живому, притом весьма ненадежному существу.

– Ну? – сказала она, поднимая голову. – Мисс Дэнвил, я жду. Дело Бленкинсопа, пожалуйста.

– Мне ужасно жаль, мисс Кларк, но у меня его нет.

– У вас его нет? – На лице мисс Кларк отразилось не столько даже неудовольствие, сколько недоверие. – Но оно должно быть у вас. Оно было расписано вам.

– О да, – поспешно согласилась мисс Дэнвил. – Я знаю, оно действительно было расписано мне. Оно есть в моем списке.

– Вот и хорошо.

Интонация мисс Кларк подразумевала: если папка была размечена вам, значит, она у вас. Такова незыблемая система работы департамента, и если система даст сбой, снова наступит Вселенский хаос.

– Но у меня его нет. – Мисс Дэнвил дрожала. – Я везде искала, искала, но... – Вдруг ее лицо прояснилось. – Ой, я только что вспомнила. Ну конечно! Его взял мистер Иделман.

– Нет, мисс Дэнвил, это невозможно. Вам прекрасно известно: когда дело переходит в другой отдел, на мой поднос должна лечь копия листка учета перемещений. Надеюсь, вы послали дело в регистратуру вместе с оригиналом этого листка. Что-то вы, девушки, становитесь слишком небрежны. Позвоните в регистратуру и затребуйте дело обратно. Потом... В чем дело?

– Я... я думаю, что там не было листка учета перемеще-

ний, – заикаясь, призналась мисс Дэнвил.

И без того суровое выражение лица мисс Кларк сделалось гневным.

– Не было листка учета перемещений?! – повторила она и с видом человека, решительно настроенного расследовать беззаконие до конца, продолжила: – Тогда, возможно, вы мне скажете, где находится заявка-требование от А.14 на это дело? – Даже в своем глубочайшем гневе мисс Кларк не забыла, что официальный внутренний код Иделмана – А.14.

Мисс Дэнвил, совершенно расстроенная, лишь покачала головой.

– У вас нет его заявки-требования? – беспощадно продолжала мисс Кларк.

– Нет, – пискнула мисс Дэнвил неестественно высоким голосом. – Нет. Мистер Иделман просто зашел в комнату, кажется, в среду или четверг, нет, в среду, я почти уверена, но это не важно, я думаю, и спросил: «Можно мне ненадолго взять дело Бленкинсопа?» Я сказала: «Да, наверное». Он сунул его под мышку и вышел. Я об этом забыла, потому что не думала, что дело может срочно понадобиться снова, после того как я только накануне послала им форму Р.С.52. Они всегда держат дела целую вечность. Вот таким образом... Вот что произошло, – закончила она. Поток ее речи иссяк так же неожиданно, как и начался, и наступила зловещая тишина. Выражение лица мисс Кларк говорило о том, что Хаос вернулся.

– Понятно, – мрачно сказала она наконец. – Ну а теперь, когда вы вспомнили, где находится дело, не окажете ли вы мне любезность принести его обратно?

– От мистера Иделмана? – нервно спросила мисс Дэнвил.

– Естественно. Если только кто-нибудь еще не позаимствовал его «ненадолго». Тогда вам придется взять его у этого другого лица, – с издевкой ответила мисс Кларк.

– А можно?.. Можно мне послать за ним курьера, мисс Кларк? С мистером Иделманом бывает немного... немного трудно иметь дело.

– Именно поэтому я и предлагаю вам самой забрать папку. Не вижу причин обременять курьеров дополнительными трудностями. А когда будете у мистера Иделмана, пожалуйста, передайте ему мой привет и обратите его внимание на действующие Правила регистрации, регулирующие передачу дел из одного департамента в другой. Вот, возьмите с собой их копию. Может быть, она освежит и вашу память.

Код А.14 принадлежал исследовательскому отделу, состоявшему из одного мистера Иделмана. Его положение во всех смыслах было исключительным. Он прибыл в Марсетт-Бей несколько позже остальных сотрудников и водворился в нише одной из самых больших комнат. Вскоре министерство общественных работ замуровало его в этой нише, превратив ее с помощью деревянных панелей в изолированный отсек, где он и пребывал каждый день с утра до вечера, окутанный саваном табачного дыма и являя собой тайну для всех. У

него не было секретаря, и он никогда не беспокоил своими поручениями перегруженных работой девушек из машинописного бюро. Единственное, что было известно о его деятельности, так это то, что в его каморку вливался беспрерывный поток дел, а из нее изливался такой же беспрерывный поток рукописных рекомендательных записок. Занятиям мистера Иделмана придавал особый престиж тот факт, что эти рекомендации, как показал перекрестный допрос курьеров, направлялись из А.14 прямым путем к самому начальнику управления. Дальнейшая их судьба никому известна не была. Служебные записки мистера Иделмана, в отличие от служебных записок менее значительных сотрудников, не просачивались ни в Лицензионный департамент, ни в Службу обеспечения исполнения договоров, ни в Сырьевую группу. В департаментах маркетинга и экспорта, которые имели отношение ко всему происходившему в управлении, знали о них не больше, чем в остальных. По слухам, служебные записки Иделмана являлись одним из важных инструментов формирования рынка основной продукции для заседавшего каждый месяц Комитета по стратегическому планированию, и это казалось правдоподобным предположением; но поскольку комитет заседал в Лондоне под председательством самого министра, его деятельность была сферой, о которой рядовые сотрудники не могли судить с какой бы то ни было долей уверенности.

Единственное, что было очевидно относительно мистера

Иделмана, так это то, что он был трудоголиком. Заканчивал работу поздно, несмотря на отсутствие вышестоящего начальства, которое следило бы, чтобы он не уходил раньше времени, – разве что всеведущий начальник управления ухитрился каким-то образом наблюдать за его деятельностью. Более того, не удовлетворенный дневным рационом дел, которые поставляли ему курьеры, – опять же, по слухам, напрямую из святая святых, приемной самого управляющего, – он имел беспечную привычку время от времени ходить по управлению и реквизировать документы других отделов. Никто из сотрудников не возражал против такой практики – у всех было так много дел в производстве, что исчезновение со стола одной папки рассматривалось лишь как благо, к тому же каждый надеялся, что по возвращении дело обогатится одной из легендарных записок Иделмана. Надежда эта, впрочем, пока ни разу не сбылась. Естественно, осмотрительные служащие, стремясь обезопасить себя, автоматически заполняли минимум одну из полудюжины форм, которые предусматривала система для подобных непредвиденных случаев. Так что только с мисс Дэнвил, которая была по своему такой же беспечной, как мистер Иделман, могла случиться подобная неприятность.

Мисс Дэнвил, нервничая, проследовала между сомкнутыми рядами канцелярских столов Службы обеспечения исполнения договоров. Штат сотрудников этой службы по неведомой причине состоял исключительно из мужчин, точ-

но так же как в Лицензионном департаменте безоговорочно доминировали женщины. Дверь отсека мистера Иделмана находилась в дальнем конце комнаты. Мисс Дэнвил робко постучала. Ответа не последовало, и, нерешительно потоптавшись перед дверью, с ужасом ощущая спиной устремленные на нее мужские взгляды, она собрала все свое мужество и вошла.

Первое поразившее ее впечатление от кабинетика мистера Иделмана состояло в том, что в нем было чрезвычайно душно. Ограничения министерства топлива и энергетики на отопление помещений были сняты, так что благодаря великолепной системе центрального отопления, оставшейся от лорда Эглуисврва, в здании было в разумных пределах тепло; но, судя по всему, эти разумные пределы не удовлетворяли А.14. Работавший на полную мощь электрический обогреватель раскалил воздух в маленьком помещении почти до невыносимости. Видимо, это было призвано подчеркнуть барственное отношение мистера Иделмана к системе и всему, что она собой олицетворяла. Потому что даже мисс Дэнвил было известно: пользоваться какими бы то ни было индивидуальными нагревательными приборами в дополнение к общей системе отопления запрещено. Духота усугублялась дымом, исходявшим из короткой черной трубки, твердо зажатой в зубах мистера Иделмана. Мисс Дэнвил закашлялась.

Это заставило мистера Иделмана поднять голову и, прищурившись, посмотреть на нее через очки в роговой оправе.

– Ах, это вы, – рассеянно сказал он, кладя трубку на стол и при этом осыпая пеплом только что написанное. Несколько мгновений он сидел, уставившись на нее так, словно видел впервые в жизни, а затем, внезапно оживившись, лукаво сказал: – Знаю-знаю, Бленкинсоп! Я с ним закончил, большое спасибо. Вы хотите забрать его обратно?

– Да, если можно. И еще, мистер Иделман, мисс Кларк просила...

Но мистер Иделман не проявил ни малейшего внимания к тому, о чем просила мисс Кларк. Он уже опустился на колени позади своего стола и рылся в куче папок, бессистемно сваленных на полу. Почти сразу же найдя нужную, он поднялся на ноги и вложил в руки мисс Дэнвил растрепанную стопку бумаг.

– Держите, – добродушно сказал он. – Спасибо, что вспомнили. Боюсь, я его немного растерзал, но это он. Весь в наличии, хоть и в беспорядке. – От собственной шутки его серьезное лицо озарилось улыбкой.

– О, мистер Иделман! – Мисс Дэнвил в смятении взирала на распотрошенную папку.

Здесь не место описывать свод правил управления по делопроизводству. Достаточно сказать, что в этом деле система достигла своего апогея. Одного взгляда на папку с делом Бленкинсопа хватало, чтобы с уверенностью сказать, что все эти правила были нарушены грубо и беспощадно.

– Мне пришлось повытаскивать из него кое-что, чтобы

найти требуемое, – беззаботно пояснил Иделман. – Эти бумаги так смешно сшивают. – Затем, заметив наконец глубокое отчаяние на лице мисс Дэнвил, продолжил добродушно: – Послушайте, прежде чем идти, сядьте и сложите их аккуратно. Я бы предложил вам свою помощь, если бы это не было совершенно бессмысленно, но мой стол в вашем распоряжении.

Мисс Дэнвил сокрушенно покачала головой.

– Мисс Кларк требует дело немедленно, – сказала она. – Придется нести его в том виде, в каком оно есть.

– А, так, значит, на этот раз Кларк выбрала своей жертвой вас? Сочувствую. Ну тогда...

Он снова уселся за стол и придвинул к себе бумаги.

– И еще она просила меня передать вам это.

Мисс Дэнвил положила перед ним Правила регистрации, регулирующие передачу дел из одного департамента в другой. Иделман посмотрел на них с отвращением.

– Какая... чушь! – воскликнул он, явно поставив в последний момент слово «чушь» вместо другого, гораздо более выразительного. – Какого черта я должен терять время на... – Он внезапно замолчал и пристально посмотрел на мисс Дэнвил. – Ах вон оно что, – продолжил он другим тоном. – Не из-за этой ли ерунды Кларк делает вашу жизнь невыносимой?

Мисс Дэнвил поджала губы и ничего не ответила. Странное чувство лояльности по отношению к Лицензионному департаменту, деятельность которого, на ее взгляд, вообще-то

была почти комичной, заставило ее промолчать.

– Вижу, так оно и есть, – тихо сказал Иделман. Он поджег от спирали электрообогревателя скрученный листок бумаги и поднес огонь к трубке. – Ах она... такая-растакая, – пробормотал он между затяжками. – Неужели никто так и не скинет ее со скалы однажды темной ночью? Это напоминает мне... Вы, конечно, не слышали нашей дискуссии, поскольку рано ушли спать, но не кажется ли вам, что Кларк была бы самой подходящей кандидатурой для убийства? Надо обратить на нее внимание Вуда. Уверен, иногда вам самой хочется ее убить, ведь правда?

«Господи, – мысленно сказала мисс Дэнвил, – какая ужасная жара. И дым – дышать нечем. Если я сейчас же не убежусь отсюда, то упаду в обморок, это точно». Но она не двигалась и, более того, в следующее мгновение поняла, что не может сдвинуться с места. Странное, но знакомое ощущение поднималось в ней: чувство священного восторга, смешанное в то же время с глубоким отчаянием. Время остановилось, и ей показалось, будто она уже бесчисленное число веков находится в этом безвоздушном кубе, где табачный дым курится, словно благовоние, а на темном, сатанинском лице Иделмана, говорящего о смерти, зловеще мерцает свет настольной лампы. Убить мисс Кларк. Не было ли это ее предназначением, не об этом ли говорили ей голоса, которые она так часто слышала, но смысла посланий которых не могла понять? Теперь заговорил Господин, и смысл стал ясен.

– Боже милостивый! Что с вами? – вдруг воскликнул Иделман. – Почему вы так на меня уставились?

Чары рассеялись.

– Изыди, сатана! – хрипло закричала мисс Дэнвил. – Не поминайте имя Божие всуе! – И выбежала из комнаты.

– Кажется, я буду проклят! – пробормотал Иделман.

Он встал, осторожно закрыл дверь, которую она оставила распахнутой, и снова погрузился в работу.

Глава четвертая. Благородный поступок в столовой

Мистер Вуд работал в Службе обеспечения исполнения договоров, его стол стоял впритык к столу мистера Филипса, в углу, рядом с дверью, ведущей в отдел А.14. Он не мог не слышать последних слов мисс Дэнвил и, когда она опророметью пронеслась мимо него, посмотрел на нее с удивлением.

– Боже милостивый! – сказал он соседу. – Вы заметили?

Мистер Филипс, который был неторопливым и добросовестным работником, нехотя поднял голову от своих бумаг.

– Заметил что? – спросил он. – А, мисс Дэнвил... Кажется, она очень спешила.

– Вы хотите сказать, что ничего не слышали? Мой дорогой друг, я был абсолютно прав насчет этой женщины. Она чокнутая!

Филипс посмотрел на него с мрачной озабоченностью.

– Уверю, вы ошибаетесь, – сказал он. – Умственное расстройство – страшное бедствие для женщины, страшное.

– Ну если уж оно случается, то это равно страшно как для женщины, так и для мужчины, – ответил Вуд. – Я не хочу сказать, что мне не жалко бедняжку, но вчера вечером я лишь предположил, что она сумасшедшая, а сейчас уверен в этом. – Он взял клочок бумаги и стал что-то быстро записывать, бормоча: – Единственный недостаток, с моей точки

зрения, состоит в том, что это слишком все упрощает.

Филипс, который обычно не любил, когда его отрывали от работы, на сей раз оказался готов продолжить разговор.

– Слишком упрощает? – переспросил он. – Безумие никак не может упростить что бы то ни было. Оно, напротив, все осложняет, сильно осложняет.

– Я вовсе не то имел в виду, – продолжая писать, усмехнулся Вуд. – «С моей точки зрения» – это с точки зрения писателя. Безумие убийцы все объясняет. Оно само по себе является мотивом и не требует от персонажа никаких иных мотиваций. Безумец может убить самого неожиданного человека. Это же проще простого. Мне казалось, я объяснил это вчера.

– Разумеется, разумеется, – согласился Филипс. – Просто я в тот момент не осознал... Я хочу сказать, если мисс Дэнвил действительно... э-э-э... не совсем нормальна, то не делает ли это всю нашу затею весьма... весьма опасной?

– Не думаю. – Вуд тщательно сложил листок и убрал его. – Она же не знает, какую роль мы ей предназначили. И незачем ей это знать. Иначе, согласен, она может воспринять игру всерьез. Нет, просто я подумал: не лучше ли, чтобы она у нас убила мисс Кларк? Впрочем, возможно, это слишком очевидно. Или Иделмана. Хотя я вижу Иделмана скорее в роли злодея. И кстати! Вероятно, он может использовать ее в качестве инструмента для достижения своих целей – эф-

фект Свенгали⁴, знаете ли. Полагаю, ему это понравится. – Он взглянул на часы: – Четверть первого. Пожалуй, пойду в столовую, пока туда не набилось народу. Вы со мной?

– Э-э... нет. Я сначала закончу то, над чем работаю. Не ждите меня, пожалуйста.

– Не буду. – Вуд с усмешкой покинул его. От его внимания не ускользнуло, что мисс Браун обычно приходила на обед в четверть второго и Филипс теперь старается именно в это время оказаться у входа в столовую, чтобы встретиться с ней. В усмешке Вуда не было ехидства. Он понимал, как неловко пытаться ухаживать за женщиной под взглядами нескольких сотен людей, считающих такой альянс неравным.

Мисс Браун тем временем стояла перед столом Петтигрю, который вычитывал длинный текст, надиктованный им и только что ею отпечатанный. Как он уже убедился, она работала четко, быстро и аккуратно, ему редко приходилось что-нибудь исправлять. Мисс Браун тоже была уверена в своей квалификации и с выражением кроткого самоудовлетворения наблюдала, как страница за страницей, прочитанные и одобренные, откладывались в сторону. Поэтому она крайне удивилась, когда Петтигрю к концу чтения вдруг произвольно расхохотался.

– Что-то не так, мистер Петтигрю? – спросила она.

Петтигрю снял очки, протер их, высморкался и снова стал

⁴ Свенгали – персонаж романа Джорджа дю Морье «Трильби», зловещий гипнотизер, подчиняющий других своей воле.

самим собой.

– Прошу прощения, – сказал он. – Просто это такой унылый текст, что любая ошибка кажется неотразимо смешной. Вот здесь, смотрите.

Следуя указанию его пальца, мисс Браун прочла: «Это решение едва ли можно сравнить с решением по делу «Кампкин против Игера», однако следует помнить, что то решение принималось Низи и Приусами».

– Кем, по-вашему, были эти Низи и Приусы? – спросил Петтигрю, снова начиная давиться от смеха. – Звучит как компания достойных пожилых джентльменов.

– Я не знаю, конечно, – сказала мисс Браун, краснея от неловкости, – но это то, что вы продиктовали, мистер Петтигрю. – Она начала переворачивать страницы своей стенографической записи.

– Разумеется, продиктовал. Не утруждайте себя поисками. Это я виноват – не объяснил вам, что это юридическое латинское выражение. – Он вычеркнул «Низи и Приусами» и вписал «*nisi prius*»⁵, бормоча: – Бедные старики Приусы. Жаль их отпускать. Но им нечего делать в Суде казначейства. Вероятно, им место в Совете Nikei⁶. Вы хорошо знакомы с раннехристианскими святыми отцами, мисс Браун?

⁵ *Nisi prius* – «если не ранее», «если не было до этого» (лат.).

⁶ Nikeя – древний и средневековый город Малой Азии (современный Изник). Во время правления римского императора Константина в 325 году в Nikee состоялся первый в истории христианства Вселенский Собор. Написание названия города сходно с написанием слова «низи», как изобразила его мисс Браун.

Мисс Браун не была с ними знакома, о чем сообщила подчеркнуто лаконично. Но Петтигрю, продолжая витать в собственных фантазиях, не заметил грозового предупреждения.

– Честно признаться, я тоже. Боюсь, в наше время они оказались в пренебрежительном забвении. Рискну предположить, что мисс Дэнвил – знаток в этой области.

Мисс Браун посмотрела прямо в глаза своему начальнику.

– Мне бы хотелось, чтобы вы все перестали насмехаться над мисс Дэнвил. Она очень, очень хороший человек, и это несправедливо, – сказала она с непривычной твердостью, после чего собрала свои бумаги и удалилась, оставив Петтигрю впервые в жизни лишившимся дара речи.

Но смутило его вовсе не то, что сказала его секретарша, хотя, здраво поразмыслив, он с горечью признал, что мужчина в зрелом возрасте, подшучивающий над вполне прощательным невежеством молодой женщины, являет собой весьма комичную фигуру и заслуживает самого сурового отпора. На самом деле он был потрясен еще до того, как она успела открыть рот. К своему великому удивлению, он осознал, что в тот момент они впервые прямо посмотрели друг на друга. Он давно заметил, что она умело избегает встречаться взглядом с кем бы то ни было. Теперь же вдруг увидел, что мисс Браун является обладательницей пары огромных ярко-синих глаз, таких живых и таких сверкающих, что они совершенно меняли ее лицо, в иных обстоятельствах ничем не примечательное. Это открытие вывело его из душевного равновесия.

«А я-то думал, что она простушка! – сказал он себе. – Эти глаза могут оказаться весьма опасными, если правильно ими пользоваться. – Его нос сморщился. – Хвала небесам, – подумал он, – что при должной осмотрительности с моей стороны у нее больше не будет причин обратить их на меня снова».

Он не лукавил с самим собой, тем не менее, когда несколько минут спустя мисс Браун заглянула в дверь и сообщила, что идет обедать, невольно огорчился тому, что она, по своему обыкновению, опять не отрываясь смотрела себе под ноги.

Обедать Петтигрю отправился поздно. К моменту, когда он пришел в столовую, она уже начинала пустеть. Он положил себе жаркого, которое было основной пищей в Марсетт-Бее, и без труда нашел свободный столик. Со своего места он мог видеть начальника управления, полнеющего блондина, чуть лысоватого, обедавшего тет-а-тет с руководителем экспортного отдела, одним из немногих в управлении кадровых государственных служащих. В своих отлично скроенных темных костюмах, с серьезными непроницаемыми лицами, они ухитрились привнести даже в столь несоответствующее окружение неуловимый дух Уайтхолла. За ними, чуть поодаль, он заметил две склонившиеся друг к другу головы: серо-стальную шевелюру Филиппса и мышино-коричневую – своей секретарши. Эта картинка снова навела его на мысль о том, что между этими двумя явно что-то зре-

ет, но на сей раз его меньше заботило то, как это скажется на нем, а больше – какие последствия это может иметь для нее. За время, проведенное в Марсетт-Бее, до него по крохам доходили какие-то сведения о ее жизни, хотя общительной ее назвать было трудно, а Петтигрю был последним среди тех, кто хотел совать свой нос в чужие дела. Однако, сложив воедино фрагменты, которые ему удалось собрать, он удивился тому, насколько одинока она была в этом мире. У нее не было ни братьев, ни сестер, а ее мать, как говорили, умерла несколько лет назад. С тех пор мисс Браун вела хозяйство у отца до самой его смерти, случившейся год или около того назад. Судя по всему, у нее никогда не было друзей ее возраста, и, возможно, именно этим объяснялась ее тяга к обществу мужчины много старше ее самой.

«Интересно, какой у нее был отец?» – думал Петтигрю, прикончив жаркое и принимаясь за безвкусный карамельный пудинг. Ясно, что человек образованный – во всяком случае, дочери он дал приличное образование, пусть даже она и не знает, что такое «*nisi prius*». Более того, у Петтигрю сложилось впечатление, хотя он не мог бы точно объяснить, на чем оно основывается, что покойный мистер Браун если и не был богачом, то без гроша дочь не оставил. Конечно, ни одежда, ни образ жизни мисс Браун отнюдь не выглядели экстравагантно, но Петтигрю отчетливо чувствовал, что в отличие от большинства остальных машинисток, служивших в управлении, у нее было кое-что за душой и в это «кое-

что» входил скромный, но надежный доход.

Петтигрю слегка нахмурился, размышляя над картиной, которую являла собой пара за столом. С одной стороны, молодость, неопытность, одиночество и немного денег, с другой – Филипс. Было в этом что-то ему не понравившееся. Не то чтобы он имел что-нибудь против Филипса – напротив, тот казался дружелюбным, добродушным, хоть и немного скучным парнем. Петтигрю не одобрял его лишь в качестве потенциального мужа мисс Браун, но, как ни старался дать этому разумное объяснение, ничего не получалось. Он бегло восстановил в памяти все, что знал об этом мужчине. Бывший секретарь поверенного, без специального образования – какой-нибудь сноб мог бы сказать, что они с мисс Браун едва ли принадлежали к одному и тому же социальному классу, но это ее дело. По случайно оброненным фразам можно было догадаться, что Филипс вдовец и явно на добрых двадцать пять лет старше ее. Такая партия казалась сомнительной, но опять же решение здесь оставалось за самой мисс Браун. Тот факт, что она тратит свое рабочее время на то, чтобы переводить слова Петтигрю в странные стенографические значки, не дает ему права или власти вмешиваться в ее дела. Более того, твердо напомнил себе Петтигрю, у него нет ни малейшего желания в них вмешиваться, если, конечно, этого не потребует общественный долг, но такого поворота ничто не предвещает. И все же... В поисках причины своего предубеждения против складывавшейся ситуа-

ции он впервые задался вопросом: почему Филипс покинул прежнее место службы тогда, когда профессия секретаря адвоката стала чрезвычайно востребованной? Для того чтобы быть «направленным» на нынешнюю должность, он, разумеется, слишком стар. Не стоит ли за этим какая-нибудь дурно пахнущая история? Совершенно неожиданно Петтигрю поймал себя на уверенности: Филипс выдает себя за другого, на самом деле он был уволен предыдущими нанимателями за неблаговидный поступок и является женатым мужчиной, охотящимся за деньгами молодых женщин. Уже в следующий момент он посмеялся над собой за столь мелодраматическое предположение. Тем не менее оно так навязчиво донимало его, что ему захотелось от него избавиться, и он тут же принял решение разузнать подробности в фирме, где Филипс работал прежде. Ведь никакого вреда это никому не принесет.

Ход его мыслей был прерван громким и весьма неприятным смехом, донесшимся от соседнего столика. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, кто смеется, но он все же обернулся. Рикаби сидел с миловидной, но чересчур накрашенной девушкой из машинописного бюро, которую Петтигрю неоднократно видел, когда по случаю заходил в «Белого оленя», главное в Марсетт-Бее заведение, имевшее лицензию на торговлю спиртными напитками. Девушка тоже смеялась, и Петтигрю стало интересно, какое удовольствие она могла находить в подобном обществе, потому

что из всех сотрудников управления Рикаби не нравился ему больше всех. Ему не нравилось в нем все – от светлых, слегка выющихся волос до элегантных туфель с узкими мысами. Раздражали его вульгарность, его шумное поведение, фамильярность, которой он не слишком старательно маскировал свое неуважение к вышестоящим начальникам. Одним словом (которое он придумал специально для этого случая), ему не нравилась его «отвязность».

Петтигрю был достаточным реалистом, чтобы признать: источник его неприязни отчасти кроется в том факте, что Рикаби намного моложе его и умеет по-своему, в манере, недоступной холостяку средних лет, наслаждаться жизнью в военное время. Но он еще больше укрепился в своей антипатии, когда обнаружил, что ее разделяют большинство обитателей «Фернли» и что Вуд, который когда-то работал вместе с Рикаби, засвидетельствовал его непобедимую склонность к безделью. А кроме всего прочего, он с восторгом отметил, что мисс Браун, к которой Рикаби, по его собственному выражению, «подкатывался», спокойно, но решительно отвергла его. Ее компетентность в подобных делах, правда, вызывает сомнения, когда речь идет о Филиппсе, но, в конце концов, даже холостяк средних лет не может быть реалистом всегда.

Тем временем Рикаби, судя по всему, упивался собственной шуткой, как, впрочем, и его соседка. По жестам и артикуляции можно было догадаться, что он кого-то изображает. Но вдруг, в разгар представления, что-то отвлекло его. Он

через плечо оглянулся на дверь, грубо ткнул свою приятельницу в бок и напустил на себя нарочито серьезный вид. Как и ожидалось, это вызвало у девушки новый приступ смеха, который она тщетно попыталась подавить, прижимая к губам носовой платок.

Проследив за его взглядом, Петтигрю увидел мисс Дэнвил, дошедшую уже до середины зала, и не нашел в ее облике ничего хоть сколько-нибудь смешного. Бедная женщина явно была не в себе. Она плакала и, казалось, едва соображала, что делает. Дрожащими руками она попыталась положить себе какую-то еду, но преуспела лишь в том, что уронила тарелку. Тупо глядя на разбитую тарелку, она не делала никаких попыток собрать осколки.

К ярости Петтигрю, это породило новый взрыв веселья за столиком Рикаби. Он нерешительно приподнялся, не зная, как поступить, но, прежде чем он на что-то решился, вмешалась мисс Браун. Среагировав на ситуацию с быстротой, восхитившей Петтигрю, она поспешно пересекла обеденный зал, обняла мисс Дэнвил за плечи и повела ее к своему столу. Усадив ее там, отлучилась и почти сразу же вернулась с чашкой кофе и несколькими бутербродами. Затем, сев рядом, начала, судя по всему успешно, успокаивать приятельницу. Филипс, с выражением глубочайшего сочувствия на широком добродушном лице, присоединился к их тихому разговору, и к тому времени, когда Петтигрю покидал столовую, к мисс Дэнвил, похоже, вернулось душевное равновесие.

Мисс Браун появилась в кабинете Петтигрю только спустя четверть часа.

– Простите, я слишком долго обедала, – сказала она. – Но случилось кое-что, что меня задержало.

– Вам нет нужды извиняться, – ответил он. – Я видел, что случилось, и, если позволите мне высказать свое мнение, считаю, что вы вели себя исключительно достойно.

– Благодарю вас, мистер Петтигрю.

– Если кто и должен извиниться, так это я, – продолжил Петтигрю. – Мне не следовало иронизировать насчет мисс Дэнвил. Это была шутка самого дурного вкуса. Пожалуйста, забудьте о ней.

Мисс Браун еще раз одарила его взглядом своих сверкающих синих глаз.

– Разумеется, – пробормотала она. – Я принесла вам исправленный текст нового Свода правил, мистер Петтигрю. Хотите просмотреть его сейчас же?

– Было бы прекрасно, – кротко ответил Петтигрю.

Прекрасно или нет, но чтение исправленного текста на следующие два часа полностью поглотило его внимание. А к концу этого времени откуда-то из-за двери послышался пронзительный свист. Он продолжался около полуминуты, потом в коридоре раздались поспешные шаги, и свист резко оборвался.

– Что это был, черт возьми, за шум? – спросил он у мисс Браун, когда вскоре после этого она принесла ему чай.

– Это новый чайник мисс Дэнвил. Боюсь, здесь, у вас, звук получается слишком громким, ведь газовая плитка находится в соседней комнате.

– Это я заметил. Но почему голос у нового чайника мисс Дэнвил должен быть таким пронзительным?

– Надеюсь, мистер Петтигрю, он не будет доставлять вам слишком больших неудобств, но вообще-то это моя идея. Видите ли, мисс Дэнвил готовит чай для всего этого крыла здания – кстати, она просила меня собрать со всех по фунту и восемь пенсов за этот месяц, – а на прошлой неделе чайник чуть не сгорел, потому что она о нем забыла. С ней это бывает, она иногда становится немного забывчива, – добавила мисс Браун тоном, каким хозяин оправдывает недостатки своей горячо любимой собаки.

– Это я тоже заметил, но рад, что она не забывает собирать чайные взносы. Вот мои фунт и восемь пенсов. Значит, музыкальный чайник предназначен для того, чтобы напоминать ей о ее обязанностях? В принципе идея прекрасная, но непременно ли он должен быть таким громогласным?

– Дело в том, – сказала мисс Браун так, словно признавалась в собственной слабости, – что мисс Дэнвил немного туговата на ухо. Только, пожалуйста, никому не говорите, ладно? Наверняка она бы не хотела, чтобы это стало известно. Поэтому, покупая чайник, я, естественно, постаралась выбрать такой, который свистел бы как можно громче. Но, конечно, если вы возражаете, мистер Петтигрю...

– Возражаю? Когда на кону мой дневной чай и душевный покой мисс Дэнвил? Разумеется, нет. Буду каждый день с нетерпением ждать свистка. Кстати, эти чайники дорогие? Если да, то позвольте мне внести свою лепту...

– Даже не думайте об этом, мистер Петтигрю. Если вы закончили, могу я забрать поднос?

Глава пятая. Встреча в «Бойцовом петухе»

Задним числом именно от этих событий Петтигрю отсчитывал начало нового и явно менее приятного периода своей деятельности в управлении, а особенно пребывания в «Фернли». Атмосфера в служебной гостинице, по его наблюдениям, решительно изменилась. Ее постояльцы, ранее представлявшие собой собрание индивидуумов, пытавшихся более или менее успешно приспособиться к особенностям характеров друг друга, теперь демонстрировали постоянно возрастающую тенденцию к разделению на две резко противопоставлявшие себя друг другу группы. Тот факт, что в «Фернли» имелась только одна гостиная, где можно было коротать длинные зимние вечера, делал раскол еще более очевидным.

Линия размежевания между двумя партиями определялась их отношением к криминальной фантазии, которую разрабатывал Вуд, – к «сюжету», как называли эту фантазию ее приверженцы. И вскоре стало ясно, что основным фактором, от которого зависело, к какой партии принадлежит тот или иной индивидуум, был фактор личный, а именно – как тот или иной человек относился к мисс Дэнвил. Сама она с первого же дня заявила, что не одобряет всей этой затеи, и то обстоятельство, что именно ее, без ее ведома, выбрали

на главную роль, резко изменило ход событий, начинавшихся как забавная игра в шарады, превратив игру в своего рода заговор, из которого сама мисс Дэнвил должна была быть решительно исключена. Привыкшая жить в собственном замкнутом мире, она, даже если бы и заметила, что происходит, наверняка не возражала бы остаться в меньшинстве, состоявшем из нее одной. Но мисс Браун, принявшая теперь на себя функцию ее защитницы, позаботилась о том, чтобы этого не произошло. Под ее влиянием Филипс тоже покинул ряды заговорщиков, и это трио каждый вечер составляло сплоченную группу, занимавшую один угол комнаты, в то время как противоположная партия оккупировала другой.

Лидером заговорщиков, разумеется, был Вуд, который не расставался с пачкой листков, из которых черпал для своих почитателей все новые идеи, приходившие ему в голову в течение дня. Иделман являл собой его влиятельного союзника – на вкус автора, даже чересчур влиятельного порой, когда благодаря своему богатому воображению грозил перетянуть на себя главенство в заговоре или, как выражался Вуд, «нарушить общее равновесие сюжета». Мисс Кларк тоже сделалась беззаветной сторонницей заговора. Перспектива представить мисс Дэнвил в комическом свете перевесила ее прежние возражения, и она готова была сотрудничать даже с Иделманом, против которого в рабочее время по-прежнему вела бескомпромиссную войну меморандумов, не желая простить ему того, в какое состояние тот привел

дело Бленкинсопа. От миссис Хопкинсон, которая стала теперь еще более частой гостьей в «Фернли», практического толку было мало, но она шумно и некритично восхищалась всем, что придумывали другие. В конце концов даже Рикаби инкорпорировался в их сообщество, не столько потому, что стал более популярен среди коллег, сколько потому, что было совершенно невозможно представить его принадлежащим к оппозиции.

Для Петтигрю, неловко зависшего между двумя партиями и старавшегося сохранить хорошие отношения с обеими, это была беспокойная ситуация. При своем упорядоченном юридическом уме он испытывал раздражение из-за того, что заговорщики, судя по всему, понятия не имели, что делать со своим сюжетом, который они постоянно обсуждали, меняли и дорабатывали. Лишь Вуд, очевидно, смутно имел в виду, что когда-нибудь в будущем, при должной литературной отстраненности от реальных действующих лиц, этот сюжет сможет стать основой для пригодного к публикации романа; по крайней мере в этом был хоть какой-то здравый смысл. Миссис Хопкинсон неоднократно выступала с совершенно непрактичным предложением инсценировать «сюжет» для развлечения сотрудников на Рождество. (Других участников затеи позабавило, когда она предложила даже перекрасить волосы, чтобы достовернее сыграть одну из ролей.) Что же касается остальных, то, похоже, им нравилось просто упражнять свое воображение, разрабатывая тему, которая посте-

ленно приобретала все более и более фантастические формы.

Петтигрю пришел к выводу, что это было результатом той ситуации, в которой все они очутились. Помимо работы, ни у кого из них не было никаких интересов в Марсетт-Бее. Многие женатые сотрудники выписали к себе семьи и таким образом вели более или менее нормальный образ жизни в свободное время. Но постояльцы «Фернли», за исключением Иделмана, отправившего жену с детьми в Америку, семей не имели. Время тянулось для них уныло, и, естественно, они старались хоть чем-то его занять. Петтигрю искренне хотелось, чтобы они нашли иное применение своим стараниям. Он смутно чувствовал, что в их затее есть нечто нездоровое. К тому же он не верил, что мисс Дэнвил можно будет до бесконечности держать в неведении относительно роли, предназначенной ей в том, что миссис Хопкинсон окрестила «идеальным преступлением». Исходя из всего известного ему о мисс Дэнвил он боялся, что разоблачение заговора произведет на нее непредсказуемо опасное впечатление. Он решил высказать свои соображения Иделману, которого считал наиболее трезво мыслящим человеком во всей их компании, но результат оказался неутешительным. Иделман мрачно выслушал его и бесстрастным тоном заметил, что он, вероятно, прав и что предсказать человеческую реакцию с какой бы то ни было степенью точности действительно невозможно, однако результат в любом случае будет любопытным.

Петтигрю казалось, что он слушает химика, рассуждающего о вероятном исходе своего эксперимента. Продолжать дискуссию он счел бессмысленным.

В тот день, когда состоялся этот разговор, Петтигрю получил письмо, которое избавило его по крайней мере от одной из тревог. Оно пришло от его арендатора из Темпла.

«Дорогой Фрэнк, – говорилось в нем, – большое спасибо за письмо. Я разузнал то, о чем ты просил. Как я и ожидал, старик Тиллотсон не скрыл, что шокирован моими вопросами, которые справедливо расценил как попытку спровоцировать его на нарушение профессиональной тайны. Но, как я тоже ожидал, закончилось дело тем, что он выдал мне то, о чем я его спрашивал. Прилагаю копию его письма. Все вроде бы нормально, хотя джентльмен несколько староват для второго брака, если судить по дате рождения.

За последнее время я получил три окружных уведомления, адресованных «мистеру Петтигрю, находящемуся на военной службе». Половина гонораров будет, согласно договоренности, переведена на твой счет. На прошлой неделе я участвовал в выездной сессии суда в Рэмплфорде. Все очень сожалели о твоём отсутствии, но традиционный ужин в честь королевского судьи был лишь бледной тенью застолий былых времен.

Искренне твой,

Билл».

Вложение гласило:

«Вашему другу нет нужды сомневаться, что мистер Филипс действительно является вдовцом – если только он не женился снова, о чем у меня, разумеется, нет никакой информации. В 1931 году моя фирма представляла его интересы при утверждении завещания покойной миссис Сары Эмили Филипс. Согласно представленным документам, она действительно скончалась 19 сентября того года в больнице Блумингтона, в Хертфордшире, оставив после себя единственного наследника в лице своего мужа. Надеюсь, эта информация будет полезна Вашему другу, и он, не сомневаюсь, распорядится ею лишь как сугубо конфиденциальной.

Вероятно, следует добавить, что мистер Филипс поступил в нашу фирму в 1919 году и за время службы проявил себя вполне удовлетворительно. То направление нашей деятельности, к которому он имел отношение, закрылось по объявлении войны, и, хотя мы были готовы оставить его в штате в ином качестве при незначительно меньшей зарплате, он выразил желание поискать другую работу, теснее связанную с военными нуждами. Разумеется, при наличии вакансий мы будем готовы рассмотреть вопрос о его возвращении к нам по окончании военных действий. Должен отметить, однако, чтобы избежать каких бы то ни было недоразумений, что законоположение, регулирующее восстановление на гражданской службе, в данном

случае неприменимо».

Удовлетворительнее и быть не может, сказал себе Петтигрю. И если при этом он помимо воли и вопреки всякой логике испытал укол разочарования, то это можно было объяснить лишь склонностью к мелодраме, которая свойственна иногда даже зрелым мужчинам, занятым самой что ни на есть скучной деятельностью. Впредь он может наблюдать за развитием романа совершенно безучастно. Разумеется, если этот роман не скажется на работе мисс Браун, но пока никаких признаков этого не просматривается.

В течение следующей недели он осознал, что еще кое-кто наблюдает за ситуацией отнюдь не безучастным взглядом. Миссис Хопкинсон начала проявлять безошибочно узнаваемые признаки неприязни по отношению к Филиппу. В прошлом, насколько мог судить Петтигрю, между ними ничего не было, ни в смысле привязанности, ни в смысле вражды. Но по мере того как Филипп все больше и больше увлекался мисс Браун, Веселая Вдова относилась к нему все хуже. Одновременно с этим, после того как ее предложение касательно воплощения «сюжета» на сцене было отвергнуто окончательно, она внезапно утратила к нему интерес и, очевидно, в порядке компенсации решила направить свою кипучую энергию на покровительство или, выражаясь иносказательно, «выведение в свет» мисс Браун, по отношению к которой всегда демонстрировала озадачивавший многих материнский интерес. Для осуществления этой операции Филипп

представлял явное и досадное препятствие. А приятельские отношения между мисс Браун и мисс Дэнвил, которую Веселая Вдова открыто презирала, естественно, усугубляли ее дурное настроение.

К собственному неудовольствию, Петтигрю обнаружил, что в который уж раз опять стал объектом непрошеной доверительности. Загнав его в угол комнаты, миссис Хопкинсон начала сокрушаться по поводу того, что «девочке грозит опасность попасть в плохие руки». Что-то, неопределенно настаивала она, нужно делать. Знает ли Петтигрю, что у мисс Браун есть собственные три сотни годового дохода? Петтигрю этого не знал, и ему стало интересно, знает ли это миссис Хопкинсон точно или придумала цифру в качестве вероятного предположения. «Триста фунтов в год, – повторяла она, встряхивая своими медными кудряшками, – и при этом никаких кавалеров! Это же неестественно в ее возрасте, вам не кажется?» Что же касается Филиппа, она не сомневалась, что он является охотником за наследством. В конце концов, только с его слов известно, что он вдовец. Десять против одного – у него где-нибудь есть жена и полдюжины детей. Знает она таких типов. Ей просто тошно делается при мысли, что он добьется своего, а эта полоумная старуха Дэнвил еще подстрекает бедную девушку, которая должна была бы жить в свое удовольствие и наслаждаться молодостью, как делала она, миссис Хопкинсон, когда была в ее возрасте, вместо того чтобы привязывать себя к мужчине, который ей в отцы

годится. Она-то знает, каково это – совершить подобного рода ошибку, и ведь не каждому везет так, как повезло в свое время ей.

Петтигрю, которому оставалось лишь предположить, что везение миссис Хопкинсон состояло в том, что мистер Хопкинсон благоразумно решил покинуть сей мир достаточно рано, ограничился нечленораздельным бормотанием, чтобы не выдать себя. В глубине души он не мог не признать, что суждения Веселой Вдовы, пусть иначе выраженные, были недалеко от его собственных недавних мыслей. Он не считал себя вправе для восстановления душевного покоя миссис Хопкинсон ознакомить ее с доказательством вдовства Филипса и, когда она стала наседать на него, требуя, чтобы он высказал свое мнение, уклонился от ответа, заметив лишь, что мисс Браун еще ни к кому себя не привязала.

На самом деле пока невозможно было определить, решила ли уже мисс Браун связать свою жизнь с жизнью Филипса или нет. Зато его намерения были очевидны, равно как и энергичная поддержка их со стороны мисс Дэнвил. Даже родная мать не могла бы поощрять сына к сватовству с большим энтузиазмом. Миссис Хопкинсон, по натуре не склонная к деликатности, демонстрировала свое неодобрение открыто. И только планы мисс Браун оставались загадкой. Всегда спокойная и тихая, она выглядела одинаково безмятежной и довольной независимо от того, пребывала ли она в одиночестве, находилась ли в обществе Филипса, мисс Дэнвил

или, как бывало чаще всего, их обоих. Казалось, она невозмутимо терпит даже миссис Хопкинсон, хотя эта дама горько сетовала на то, что «ничего не может из нее вытянуть». Петтигрю восхищался самообладанием мисс Браун. Он даже начал думать, что на самом деле она способна постоять за себя гораздо лучше, чем можно предположить.

Однажды вечером Петтигрю решил, что ему невольно больше выносить атмосферу, царившую в «Фернли». У него был утомительный день. Начальник управления проявил особую несговорчивость в отношении поправок, с помощью которых Петтигрю надеялся внести хоть какое-то подобие логики в дикую систему последних инструкций, регулировавших сбыт мелкой продукции. Мисс Дэнвил вспомнила о своих чайных обязанностях только минут через пять после того, как начал невыносимо пронзительно свистеть ее новый чайник. Сообщения с театра военных действий оказались угнетающими. И вот теперь в разгаре была очередная вечерняя сессия в гостиной. Заговорщики сгрудились в одном углу, горячо обсуждая какое-то новое абсурдное предложение, внесенное Иделманом. Их беседа время от времени прерывалась взрывами смеха, сопровождавшегося многозначительными взглядами в направлении мисс Дэнвил и менее осмысленными шиканьями. Мисс Дэнвил, беззвучно шевеля губами, была погружена в свою книгу, от которой лишь изредка поднимала глаза, чтобы бросить одобрителный взгляд на мисс Браун и Филиппа, рядком сидевших на

диване, почти не разговаривавших, но явно довольных обществом друг друга. Когда дверь открылась, впустив миссис Хопкинсон, Петтигрю решил, что пора действовать. Аккуратно, бочком обойдя ее, он выскользнул в прихожую, снял с крючка шляпу и пальто и вышел из дома.

«Что мне сейчас необходимо, – сказал он себе, на ощупь пробираясь по неосвещенному тротуару, – так это выпить». С удивлением он осознал, что не делал этого уже давно. В атмосфере Марсетт-Бея было нечто монашеское, что сдерживало его жажду. А может, дело было в том, что он пока не нашел никого, с кем ему действительно хотелось бы выпить. Но какова бы ни была причина, сейчас он чувствовал, что момент настал.

На углу Хай-стрит Петтигрю остановился. Прямо напротив находился «Белый олень». Он точно знал, что в этот час бар набит шумной молодежью из управления, а в нынешнем своем настроении не желал видеть никого из своих коллег. Обстановка в «Короне», располагавшейся чуть дальше по улице, будет не намного лучше. Что же оставалось? Он припомнил, что где-то в переулке слева как-то заметил вывеску маленького паба «Бойцовый петух». «Неужели петушиные бои все еще практикуются в этих краях?» – удивился тогда он. Теперь ему пришлось в голову заглянуть туда, если, конечно, удастся отыскать паб в темноте. Тихое местечко, куда ходят лишь местные завсегдатаи, – на случайного посетителя там будут смотреть с подозрением и постараются подчерк-

нито игнорировать его. В теперешнем настроении это было именно то, что ему требовалось.

Десять минут спустя Петтигрю уже сидел в углу тускло освещенного зала, потягивая слабенькое по военным временам пиво и благодаря судьбу за то, что в поле зрения не было ни одного человека, который проявлял к нему хотя бы малейший интерес или испытывал желание сказать хотя бы слово в его адрес. Он почти наполовину опорожнил свою кружку, когда ощутил, что в его углу стало заметно темнее, и, подняв голову, обнаружил, что свет загораживает очень высокая и очень плотная фигура, направляющаяся к нему от стойки. Этот факт он отметил без особого интереса и снова поднес кружку к губам. И тут раздался голос:

– Как неожиданно встретить вас здесь, мистер Петтигрю!

«Черт! – выругался про себя Петтигрю, нехотя опуская кружку. – Неужели от управления нигде спасения нет?» Между тем ни голос, ни фигура не показались ему принадлежащими кому-то из знакомых по Марсетт-Бею, хотя вообще-то смутно кого-то напоминали. Потом в освещенную зону попал острый кончик длинного черного уса, и Петтигрю с удовольствием, не уступающим удивлению, воскликнул:

– Инспектор Моллет, вот уж кого не ожидал встретить!

Что, скажите на милость, вы здесь делаете?

Моллет не сразу ответил на вопрос. Сначала он вытащил откуда-то слева маленького жилистого человечка с очень длинным носом и представил:

– Это детектив-инспектор Джеллаби из окружной полиции, сэр. Если не возражаете, мы присядем с вами?

– Возражаю? Разумеется, нет! – ответил Петтигрю, еще минуту назад наслаждавшийся одиночеством. Своим знакомством с инспектором Моллетом из Нового Скотленд-Ярда он был обязан мимолетному, но трагическому эпизоду своей жизни, но уже тогда у него сложилось восторженное мнение об этом человеке как о здоровяке с острым умом, и он был искренне рад новой встрече с ним.

– Вот уж где не ожидал вас увидеть, – продолжил он, когда все расселись за столиком. – То ли я прискорбно невнимательно читаю газеты, то ли в этих краях действительно не было сколько-нибудь значительного преступления. Только не говорите мне, что существует реальный заговор с целью убить начальника Контрольного управления мелкой продукции.

– Реальный заговор с целью убийства мистера Палафокса? – повторил Моллет с невинной серьезностью, с какой всегда реагировал на самые невероятные предположения. – Не могу сказать, не слышал ничего подобного. Надеюсь, сэр, вам не стало известно нечто, что навело вас на подозрения...

– Нет-нет, конечно же, нет. Просто несу чепуху. Боюсь, здешняя обстановка к тому располагает. Я имею несчастье быть соседом по гостинице автора детективных историй, и это будоражит воображение.

– Весьма вероятно, сэр. Нет, я приехал не в связи с делом

подобного рода. Меня оторвали от моих обычных занятий в Ярде, чтобы... чтобы разнюхать о происходящем здесь в целом.

– Понимаю. Никогда бы не подумал, что управление может стать объектом интереса для Скотленд-Ярда.

– Мне кажется, я не упоминал управление, мистер Петтигрю, – осторожно заметил Моллет.

– Но вы упомянули фамилию начальника управления, и пусть меня повесят, если я понимаю, зачем вам было бы утруждаться ее выяснением, если вы не...

Окончание фразы потонуло в приступе искреннего смеха Моллета.

– Вы меня подловили, сэр, – признался он. – Мне надо было быть осмотрительнее. Позвольте за это угостить вас еще кружкой пива.

– Полагаю, – сказал Петтигрю, когда принесли свежее пиво, – вы не можете сказать мне, что за дело вас здесь так заинтересовало?

Он видел, что инспектор Джеллаби неодобрительно уставился на кончик собственного носа, но Моллета вопрос несколько не смутил. Он выпил изрядную часть своей кружки, тщательно обтер усы и, прежде чем ответить, задумался.

– Вы здесь занимаете должность юрисконсульта, не так ли, сэр?

– Совершенно верно.

– И вы, разумеется, ни в прошлом, ни в настоящем никак

не были связаны с торговлей.

– Торговлей мелкой продукцией? Я об этом не имею ни малейшего понятия.

– Именно. Не знаю, отдаете ли вы себе отчет в том, мистер Петтигрю, насколько уникальны вы в этом отношении во всем управлении.

– Вот как? Боюсь, я никогда об этом не задумывался. Естественно, я воспринимал как само собой разумеющееся, что управление большей частью укомплектовано специалистами. Но это не моего ума дело.

– Совершенно верно. Между тем специалисты, разумеется, набраны из сферы торговли. Подавляющее большинство здешних сотрудников выше определенного уровня в мирное время работали в торговых фирмах, а в начале войны перешли в распоряжение Контрольного управления. Это было неизбежно. Они – единственные, кто способен выполнять данную работу.

– Я абсолютно нелюбопытен в отношении коллег, если что-то не затрагивает меня лично, – сказал Петтигрю. – Ни я с ними, ни они со мной не болтают. Я даже не знаю, чем большинство из них зарабатывало на жизнь до войны.

– Вы ведь живете в служебной гостинице «Фернли», не так ли? – спросил инспектор. – Постойте-ка... Иделман был заведующим отделом рекламы в большой торговой компании. Вуд – старшим администратором по той же части в другой торговой фирме. Рикаби – племянник председателя ком-

пании, являющейся крупнейшим в мире экспортером мелкой продукции. Мисс Кларк, судя по сведениям, которыми я располагаю на данный момент, не имеет никакого отношения к сфере торговли, но я не уверен, что это так. Мисс Браун, разумеется, никак с торговлей не связана. Кажется, все?

– Филипс, – подсказал Джеллаби.

– Это единственный человек, о котором я что-то знаю, – сказал Петтигрю. – Он был секретарем поверенного.

– Конечно, – согласился Моллет. – Что там я говорил вам о его фирме, мистер Джеллаби?

– Слияние, – коротко ответил Джеллаби.

– Да-да. Как раз накануне войны его фирма осуществляла юридическую поддержку слияния двух конкурирующих торговых ассоциаций. Не знаю, это ли послужило причиной того, что Филипс оказался здесь, но похоже на то.

Петтигрю рассмеялся.

– Я просто подумал, – сказал он в порядке объяснения, – что вам едва ли нужно было спрашивать меня, имел ли я какое-нибудь отношение к торговле. Ответ вам должен был быть известен еще до того, как вы задали вопрос.

– Совершенно верно, сэр, – серьезно ответил Моллет.

– Итак, инспектор, в продолжение...

– Итак, чтобы не затягивать, скажу, что кое-кто из этих людей оказался в положении, когда их общественный долг и их частный интерес не совсем совпадают. Вы меня понимаете, сэр?

– Увы, такова человеческая натура.

– Не сомневаюсь, что девяносто девять человек из ста безупречно честны. Но всегда остается вероятность наличия со- того.

– Не хотите ли вы сказать, инспектор, что прибыли сюда только по причине существования столь малой вероятности?

– Нет, по немного более определенной причине, – признался Моллет. – Появились кое-какие свидетельства – утечка информации, бреши в системе контроля и тому подобное, – убедившие нас в целесообразности некоторой разведки на местности. Большого я вам сказать не могу.

– А я – последний человек, который захотел бы расспрашивать вас об этом. Что ж, инспектор, по крайней мере вы придали новый интерес моей жизни в Марсетт-Бее, и за одно это я у вас в неоплатном долгу. Мне пора возвращаться. У хозяина появился взгляд, который подсказывает мне, что он собирается закрывать паб. Самый большой вред от посещения таких мест полицией состоит в том, что их хозяева становятся чертовски пунктуальными. Спокойной ночи. Не думаю, что смогу оказаться вам чем-нибудь полезным, но если вдруг замечу что-то относящееся к сфере ваших интересов, дам вам знать.

– Буду чрезвычайно признателен, сэр. В здешнем полицейском участке меня всегда разыщут. Доброй ночи, сэр. Да, кстати...

– Да?

– Что вы там говорили о заговоре с целью убийства начальника управления? Полагаю, сэр, это была просто шутка?

– Простите, если разочарую, но это именно так. И боюсь, весьма неудачная шутка. Доброй ночи.

Глава шестая. Вопрос о страховке

Появление Моллета в Марсетт-Бее и дело, которое привело его туда, как и сказал Петтигрю, добавили интереса его пребыванию в стенах управления, но в течение десяти дней, последовавших за их встречей в «Бойцовом петухе», у него не было времени поразмыслить над этим. На юрисконсульта внезапно обрушилась гора работы, которая требовала его ежедневного долгого присутствия в офисе, а в завершение – молниеносного броска в Лондон, где вопрос о новых поправках подробно обсуждался в политических кругах, которые принято называть «высшим уровнем». В течение этого времени он иногда издали видел Моллета на улице, а один раз – в кабинете начальника управления, который инспектор покидал в тот момент, когда он сам явился туда. Моллет всегда проходил мимо, лишь едва заметным кивком выдавая знакомство. Петтигрю не нужно было объяснять, что Моллет не хочет публично привлекать к себе ненужное внимание. Со своей стороны Петтигрю, несмотря на расплывчатое обещание помощи, не имел особого желания интересоваться мошенничествами, которые расследовал инспектор, даже если бы у него и нашлось на это время. Он не сомневался, что это было бы скучно и, вероятно, утомительно. «Не моего ума дело», – с облегчением повторял он мысленно и снова погружался в работу.

Наконец мало-помалу напряжение спало. Куча папок начала рассасываться и больше не распухала от новых поступлений, которые в течение предыдущего периода наводняли его поднос с надписью «Входящие». Телефон теперь молчал часами. Вскоре Петтигрю уже мог поднять голову и посмотреть на стоящую по другую сторону стола мисс Браун, побледневшую, но не сломленную кризисом и терпеливо стенографирующую его нескончаемые докладные записки. А потом наступил день, когда совершенно неожиданно стало нечего делать. Последняя распечатка была вычитана, последнее письмо подписано, последний документ подшит в последнюю папку. И мисс Браун, как исключительно добросовестная сотрудница, спросила:

– У вас есть еще для меня работа на сегодня, мистер Петтигрю?

Петтигрю зевнул, потянулся и, не веря своим глазам, окинул взглядом пустой поднос.

– Нет, – сказал он. – Абсолютно ничего нет. Бывают моменты, когда слово «ничего» кажется самым прекрасным словом, и сейчас один из таких моментов. До окончания рабочего дня максимум час, после чего мы сможем благопристойно покинуть офис, а пока нас ожидает час полного и благословенного безделья. Полагаю, в силу вашей молодости и энергии у вас в сумке припасено какое-нибудь вязанье. Лично я намереваюсь провести этот час в размышлениях о восхитительности ничегонеделания. Не будете ли вы так любез-

ны разбудить меня, скажем, в половине шестого?

Тут Петтигрю осознал, что мисс Браун совершенно не слушает того, что он говорит. Она стояла, уставившись под ноги и твердо сжимая в руке блокнот, на ее щеках появился легкий румянец.

– Что-то случилось? – спросил он.

Она подняла голову и посмотрела прямо на него своими сверкающими синими глазами.

– Мистер Петтигрю, можно мне кое о чем вас попросить?

– Разумеется. Валяйте.

Вопрос, когда она его задала, озадачил его.

– Мистер Петтигрю, вы знаете что-нибудь о страховании?

– О страховании? Ну, надеюсь, кое-что знаю, хоть я и не специалист в этой области. Но какого рода страхование вы имеете в виду? От пожара, от несчастного случая, морское страхование, страхование против недобросовестности работодателя?

– Я имею в виду страхование жизни. Как вы считаете, это хорошее дело?

– Это очень благоразумное и предусмотрительное дело, если у человека есть иждивенцы. Разумеется, невозможно давать советы, не зная всех обстоятельств, но мне в голову не приходило, что вы... Я не хочу совать нос в ваши личные дела, но...

Взгляд мисс Браун снова опустился к полу.

– У меня есть небольшие собственные деньги, – пробормо-

мотала она. – Я могла бы позволить себе застраховаться, скажем, на тысячу фунтов. Вот бумаги, которые прислала мне страховая компания, не окажете ли вы мне любезность взглянуть на них?

– Разумеется, если хотите. Но я не совсем то имел в виду. Я хотел сказать, что одинокие женщины обычно не... – Ему оказалось до странности трудно выразить это словами. – Вы... вы собираетесь выйти замуж, мисс Браун?

Совершенно спокойно она ответила:

– Я пока не совсем уверена, но, кажется, да.

«Удивительно деловая молодая дама, – подумал Петтигрю. – Это даже неестественно».

– Мне казалось, – сказал он, не сумев скрыть раздражения, – что гораздо важнее сначала решить, выходить ли замуж, а уж потом – страховаться ли. Не ставите ли вы телегу впереди лошади?

Мисс Браун весело улыбнулась.

– Наверное, так и есть, – сказала она. – Только то и другое определенным образом взаимосвязано, и я подумала, что относительно страхования вы сможете дать мне совет...

– Между тем как в моем совете по другому вопросу вы не нуждаетесь, – продолжил он за нее. – Здесь вы совершенно правы.

– О, я вовсе не хотела это сказать!

– Но имели на то полное право. Было непростительной назойливостью с моей стороны высказывать мнение, о кото-

ром меня не спрашивали. Но поскольку уж мы зашли так далеко, быть может, вы сообразоволяете открыть мне, за кого собрались замуж? Не ошибусь ли я, предположив, что это мистер Филипс?

– Нет, не ошибетесь.

– Мне нет нужды спрашивать, хочет ли он жениться на вас. Сомнения могут исходить только с вашей стороны.

– Да.

– Ну что ж, – продолжил Петтигрю, который уже хотел поскорее закончить этот неловкий разговор, – тогда вам придется решить, любите вы его или нет.

– О, это-то я знаю, я не люблю его, – ответила мисс Браун все так же невозмутимо.

– Тогда зачем, черт побери...

– Это действительно довольно трудно объяснить, – сказала она, сев и уставившись в свой блокнот так, словно надеялась почерпнуть в нем вдохновение. – Видите ли, с тех пор как умер папа, я осталась одна, а я к этому не привыкла. И я не умею ладить с молодыми людьми, по крайней мере с теми молодыми людьми, с которыми знакома. А мистер Филипс очень добр... и чуток, и я знаю, что могла бы сделать его счастливым. Думаю, это неплохой план. И Гонория... мисс Дэнвил одобряет его.

– Мисс Дэнвил?!

Мисс Браун кивнула и добавила:

– Она от души этого желает.

– Но, дорогая моя девочка, не хотите же вы сказать, что в подобном вопросе полагаетесь на совет мисс Дэнвил? – Памятуя о том, что случилось последний раз, когда в их разговоре всплыло имя мисс Дэнвил, он поспешил добавить: – Я, разумеется, не имею ничего против нее лично, не дай бог, не подумайте. Но все же женщина, которая сама никогда не была замужем...

– Вот именно, – последовал ответ. – Она, как никто, знает, что такое быть не замужем. Я не хочу со временем стать такой же, как мисс Дэнвил.

Петтигрю в отчаянии запустил пальцы в шевелюру.

– Ничего себе аргумент в пользу замужества! – простонал он. – В любом случае почему вы считаете, что должны со временем стать похожей на мисс Дэнвил? Вы ведь можете превратиться и в подобие мисс Кларк.

– А вы считаете, что это хоть сколько-нибудь лучше? – парировала она, и они громко расхохотались, тем самым сняв напряженность.

– Кстати, – спросил спустя минуту Петтигрю, – это мисс Дэнвил надоумила вас застраховать свою жизнь?

– О нет. Эта идея целиком принадлежит мистеру Филиппу.

– Ясно... И он выдвинул ее, даже не дождавшись, пока вы примете его предложение?

– Боюсь, я позволила ему счесть это само собой разумеющимся, – сдержанно ответила она.

Петтигрю ничего не сказал на это. Задумавшись, он бесцельно чертил круги на своей промокашке. Немного подождав, мисс Браун встала.

– Вы так и не сказали мне, – укоризненно произнесла она, – что вы думаете о моем страховании.

– Разве? Мы обсуждали так много вопросов, что я совершенно забыл, с чего мы начали. Конечно, я просмотрю ваши бумаги и скажу, что я о них думаю. Что же касается существа дела, то я категорически отказываюсь что-либо говорить, покуда вы с мисс Дэнвил совместно не решите вопрос о вашем замужестве.

– Прекрасно, мистер Петтигрю.

Остаток праздного времени Петтигрю провел в размышлениях, далеко не столь мирных, как он себе обещал.

«Это никак меня не касается, – решил было он. – Если мисс Браун хочется свалить дурака, это целиком и полностью ее дело. Я ни за что не дам превратить себя в отца-исповедника только потому, что случайно оказался на ее пути».

Здесь ему своевременно пришло в голову, что никто не просил его становиться отцом-исповедником, а тем более мисс Браун. Она предпочитает советы мисс Дэнвил – этот факт одновременно удивлял и раздражал его. Единственное, о чем она его попросила, так это взглянуть на предложения страховой компании относительно полиса страхования. Ну так почему и не сделать только это? Компания была абсолютно надежной, и ему понадобится не более пяти минут,

чтобы просмотреть бумаги и заверить ее, что все в порядке, после чего все это больше не будет его касаться. Очевидным, практичным и разумным будет далее умыть руки, пусть себе страхует жизнь – очень предусмотрительное решение, разве он ей этого не сказал? – пусть выходит замуж за Филипса и...

И... что именно? Счастливо живет с ним до скончания века? Счастье секретарши – не его забота. Петтигрю попытался взглянуть в лицо вставшей перед ним проблемы, как наездник пытается заставить норовистого коня взять преграду. Вопрос состоял не в том, счастливо ли она будет жить, вопрос – просто и ясно – состоял в том, будет ли она жить вообще. Все его прежние подозрения относительно Филипса моментально вернулись. Пусть он действительно вдовец, это установлено, но какого рода вдовец? Вдовец, который унаследовал кое-какое имущество после жены и, задумав жениться снова, стал искать девушку, кое-что имеющую и совершенно одинокую? И в качестве первого шага к браку предложил, чтобы она застраховала свою жизнь на тысячу фунтов! Ни один человек, имеющий хоть малейшее представление о том, как устроен мир, не смог бы не заметить вероятной подоплеки подобной ситуации. А заметив, разве смог бы он остаться в стороне и не попытаться что-то предпринять?

– Черт! – вслух ругнулся Петтигрю. Сложилась именно такая ситуация, какой он инстинктивно старался избегать и в которой чувствовал себя абсолютно некомпетентным. Всю

свою профессиональную жизнь он потратил на то, чтобы решать проблемы других людей, но это были чужие проблемы, с которыми он имел дело отстраненно, через посредство стряпчих, и над которыми мог размышлять в спокойной, покрытой пылью атмосфере Темпла, где вопросы жизни и смерти, обретения состояний и банкротства сами собой облекались в тщательно сформулированные доводы и разрешались с привлечением прецедентов. Эта жизнь не научила его, что делать, когда сталкиваешься с девушкой, слепо шагающей прямо туда, где ее может подстеречь смертельная опасность. Петтигрю был глубоко огорчен тем, что судьба взвалила ему на плечи такое бремя, но понимал, что не может больше делать вид, будто никакого бремени не существует.

Он обдумал и отверг идею поговорить с инспектором Моллетом. Будет пустой тратой времени, решил он, советоваться с полицейским, не располагая практически никакими фактами. В конце концов, хотеть жениться на женщине много моложе тебя самого не преступление, а если при этом тебе придет в голову предложить ей обзавестись полисом страхования жизни, то какое дело до этого Скотленд-Ярду? А если бы были какие-нибудь свидетельства того, что первая миссис Филипс умерла не своей смертью, то неужели Моллет, который, судя по всему, очень тщательно изучил прошлое всех сотрудников управления, не упомянул бы об этом? Разумеется, это еще не значит, что вопрос закрыт. На скольких жен-

щинах успел жениться Джордж Джозеф Смит, прежде чем у кого-то возникли подозрения относительно «несчастливых случаев» в его ванной комнате? Но как только началось расследование, оказалось не так уж трудно раскрутить всю цепочку чудовищных убийств. Если бы удалось доказать, что в первом браке Филиппа есть подозрительные черты схожести с тем, на который он нацелился теперь, было бы по крайней мере с чем идти к Моллету.

Он посидел несколько минут, сморщив нос до такой степени, что тот совершенно утратил свою обычную форму, потом схватил ручку и поспешно настроил письмо в Темпл, в свою контору.

«Дорогой Билл, – писал он, – мне неловко беспокоить тебя снова, но прошу тебя рассматривать мою просьбу как срочную. Ни о чем не спрашивай и не считай меня сумасшедшим, просто сделай то, о чем я прошу. Выясни как можно скорее: а) что оставила после себя покойная миссис Филипп; б) являлся ли мистер Филипп ее единственным наследником; в) какую часть наследства составили выплаты по страховке; г) (это особенно важно) когда была получена страховая премия. Мне все равно, как ты это узнаешь, будешь ли шантажировать Тиллотсона или пойдешь в Сомерсет-Хаус (если именно там в военное время хранятся завещания), но я должен это знать. Полис, вероятно, был выдан компанией «Импириан», если эта информация тебе поможет.

Жду с нетерпением,
твой Фрэнк.

P. S. Это не шутка».

Он написал адрес и собирался уже запечатать конверт, когда в дверь постучала мисс Браун.

– Половина шестого, мистер Петтигрю, – объявила она и добавила чуть игриво: – Как прошла ваша медитация?

– Она оказалась очень плодотворной, – серьезно ответил он.

Глава седьмая. Ответ на письмо

Ответа на письмо Петтигрю ждал всего неделю. Но она показалась ему тревожной и настолько тягостно долгой, что к концу ее он даже начал совершенно безосновательно сердиться на своего корреспондента за проволочку. Хотя разум подсказывал, что мисс Браун абсолютно ничто не грозит, пока она не застраховала свою жизнь и не вышла замуж за Филипса, вид этой пары, обедающей в столовой или сидящей рядком на диване в гостинной пансиона «Фернли», наполнял его глубочайшим беспокойством. Обычно не склонный демонстрировать свои чувства, он ужаснулся, когда однажды вечером услышал, как Рикаби промурлыкал: «Кажется, старик начинает ревновать!» – и понял: его волнение замечено и превратно истолковано. Это чудовищно ложное обвинение в течение двух вечеров гнало его в «Бойцового петуха», где, не находя Моллета, он выпивал пива гораздо больше, чем шло ему на пользу.

Что касается вопроса о страховании, то он нашел простой способ потянуть время. Он сказал мисс Браун, что условия, которые предлагает «Импириан», абсолютно разумны и честны, но, прежде чем соглашаться, было бы неплохо сравнить их с предложениями других компаний, например «Гэлакси» или «Сайдриал». Мисс Браун приняла его совет и пообещала ознакомиться с предложениями конкурентов

«Импириан». Таким образом, вопрос был временно отложен.

По крайней мере Петтигрю полагал, что ему удалось вставить палку в колесо врага; однако если так и было, то враг, похоже, этого не заметил. Филипс оставался таким же дружелюбным и вежливым, как всегда, и так же почтительно соблюдал дистанцию между простым клерком и джентльменом из адвокатского корпуса, которую добровольно установил для себя и которой придерживался неукоснительно. В то же время он продолжал оставаться исключительно скрытным. Ни Петтигрю, ни кому бы то ни было другому он ни разу не упомянул ни имени мисс Браун, ни вопроса о страховании жизни. То же самообладание, которое позволяло ему продолжать свои ухаживания в самой затруднительной публичной ситуации, какую только можно себе представить, делало его невосприимчивым к мрачным подозрениям, с которыми к нему относились окружающие. «Однако, – размышлял Петтигрю, – он не может не знать, что девушка консультировалась со мной насчет страхования, и наверняка догадался, какова была моя реакция. Или он держит меня за полного дурака?» Потом он припомнил, что глубоко в душе каждого убийцы таится тщеславие, которое ослепляет его, не позволяет полностью осознать все риски и в конечном итоге очень часто приводит к краху. Пристально присматриваясь к дружелюбному, учтивому мистеру Филипсу, Петтигрю становился все мрачнее.

Затем пришло долгожданное письмо. Оно было коротким и деловым.

«Дорогой Фрэнк, я выполнил твое поручение, хотя разрази меня гром, если наш договор об аренде помещения предусматривает обязанности подобного рода. Ответы на твои вопросы таковы: а) 2347 фунтов стерлингов на счете; б) да; в) страховая премия не включена в наследство, состоящее из ценных бумаг, счета в банке и обычных побрякушек; г) страховая премия не была востребована. Надеюсь, это тебя удовлетворит.

Кстати, ты велел мне не задавать никаких вопросов, и я не задаю. Тем не менее интересно было бы знать, не является ли твое расследование результатом чтения одного из знаменитых романов твоего коллеги, который называет себя Эймiasом Ли. На случай, если это так, должен тебе сообщить, что, по заверениям Тиллотсона, три последних года своей жизни дама провела в той же больнице, которая выдала свидетельство о ее смерти. Поэтому боюсь, что все фантазии, которые ты, вероятно, лелеял насчет ее внезапной и насильственной кончины, должны быть отброшены.

Искренне твой,

Билл.

P. S. Просто для очистки совести я продолжил разведку через всевозможные косвенные источники, которые не стану разглашать, и удостоверился, что полис страхования жизни миссис Филипс был

заклучен с компанией «Импириан» на скромную сумму в пятьсот фунтов, но он был аннулирован за не востребоваанностью! Теперь ты полностью счастлив?»

Вот так! Во второй раз за какие-нибудь несколько недель Петтигрю вынужден был с прискорбием признать, что проявил предвзятость. И еще раз испытал разочарование, смешанное с облегчением от того, что опасность оказалась мнимой. Теперь стало очевидно, что Филипс был не чем иным, как заурядным респектабельным вдовцом, собиравшимся заключить заурядный респектабельный второй брак. Будущее мисс Браун было надежным настолько, насколько его мог гарантировать заработок судейского секретаря и ее скромный личный доход. Нет сомнений, что она (в самом заурядном, респектабельном смысле) будет совершенно счастлива. Груз ответственности, который он помимо воли взвалил на себя, упал с плеч. Лучше и быть не могло.

Если бы мысленное повторение того, что он доволен и полностью успокоился, могло оказать подобный эффект, то он ходил бы с сияющим лицом. Но по какой-то причине, которую он никак не мог сам себе объяснить, чувство разочарования одолевало его. Оно не покидало его и во время одинокой прогулки по утесам, которую он предпринял на следующее воскресное утро. В тот день дул пронизывающий ветер, и когда он достиг возвышенности, представлявшей собой самую северную точку Марсетт-Бея, звук прибоя далеко внизу оказался таким оглушительным, что он замешкался

в нерешительности, спустаться ли ему туда по ступенькам, пока не услышал голос, произнесший прямо ему в ухо:

– Доброе утро, сэр!

Это был инспектор Моллет, его бодрое лицо покраснело от быстрой ходьбы, а кончики усов обвисли в просоленном воздухе. Петтигрю подумал, что никогда не видел человека, который выглядел бы здоровее. «Человек с хорошим пищеварением» – именно такое определение пришло ему в голову как самое подходящее. Сам он производил совсем другое впечатление.

– Если позволите заметить, мистер Петтигрю, вы сегодня неважно выглядите, – сказал Моллет. – Надеюсь, ничего неприятного не случилось?

– Отнюдь, инспектор. Скорее наоборот, если уместно вообще говорить о том, что здесь что-нибудь случается.

– В самом деле? Рад это слышать, – недоверчиво ответил Моллет. – Кстати, сэр, нет ли у вас каких-нибудь новостей по моему дельцу?

– Боюсь, что нет. В последнее время я был очень занят по службе.

– Так я и думал, сэр. Насколько я понимаю, у вас с мисс Браун работы по горло.

Петтигрю пристально посмотрел на него, но выражение лица инспектора казалось абсолютно невинным, лишенным какого бы то ни было намека, который могли таить его слова.

– Да, – ответил Петтигрю, – по горло. Но пик, похоже, уже

позади. А как идет ваше расследование?

– Я как раз не могу считать, что у нас пик позади, сэр. Тем не менее можно сказать, что мы продвигаемся вперед. – Он поднял голову и посмотрел на небо. – Кажется, собирается дождь. Не лучше ли вернуться?

Они пошли по дороге, ведущей обратно в город.

– Да, продвигаемся, – продолжил Моллет. – Мы не приблизились пока к истоку проблемы, но нам удалось установить, что два департамента управления имеют к ней отношение – не департаменты как таковые, разумеется, а отдельные лица в этих департаментах, которые, судя по всему, работают в связке. Но без того, чтобы перевернуть здесь все вверх дном и вывести всех из душевного равновесия – чего мы делать не хотим, а мистер Палафокс об этом и слышать не желает, – очень трудно выявить, кто именно замешан. Между тем последнюю неделю и даже две я колесил по округе и обнаружил то, что можно назвать черным рынком, имеющим отношение к управлению. Ваша Служба обеспечения исполнения договоров сейчас работает над этим. Уверен, в обозримом будущем они попросят и вас высказать свое мнение.

– Это будет волнующим событием, – безо всякого энтузиазма отозвался Петтигрю.

От Моллета не укрылся подтекст в его интонации.

– Ах, сэр! – сказал он. – Это действительно очень скучная работа – выявлять все эти нарушения Правил и Регламентов. Я бы скорее предпочел какое-нибудь простое доброт-

ное убийство, а вы, мистер Петтигрю? Мне подай нормальное классическое преступление!

– Война и впрямь в изобилии породила новые виды правонарушений, – ответил Петтигрю. – И удивительно большое количество людей оказалось готово их совершать. Я иногда задаюсь вопросом, остались ли еще вообще честные люди.

– Ну, я бы так не преувеличивал, сэр, – рассудительно сказал Моллет, – но должен признать: честных людей вокруг явно недостает.

До самой окраины Марсетт-Бея они вели эту отвлеченную беседу. Потом Петтигрю вспомнил, что давно уже хочет задать инспектору один вопрос.

– На меня в тот вечер произвело большое впечатление то, – начал он, – как много вы и Джеллаби знаете о людях, работающих в управлении.

Моллет позволил себе тихо усмехнуться.

– Не обо всех, мистер Петтигрю, – ответил он. – Боюсь, в тот раз мы немного играли на публику. На самом деле мы скорее интересовались лишь теми, кто живет в пансионе «Ферли».

– Это среди них вы предполагаете найти тех, кого ищете?

– Будет видно, сэр. Не хочу смущать вас, поселяя в вашей душе подозрения относительно людей, с которыми вы каждый день встречаетесь и которым передаете соль во время завтрака. Вам стало бы очень неуютно среди них.

Петтигрю не надо было объяснять, насколько неловкой

была бы такая ситуация.

– Прекрасно понимаю, – сказал он. – Но я хотел спросить не совсем о том. Просто, когда я ушел из «Бойцового петуха», мне пришло в голову, что есть человек, которого вы ни разу не упомянули.

– Неужели, сэр?

– Да. Это мисс Дэнвил.

– О, Господи помилуй, мисс Дэнвил! С ней все в порядке. По крайней мере... – усмехнулся он, – в том, что касается работы. Мне иногда бывает интересно, откуда правительство берет таких. Нет, правда.

И больше ничего о мисс Дэнвил Петтигрю из него вытянуть не смог.

Они расстались на Хай-стрит под первыми редкими каплями дождя.

– Всего хорошего, сэр, – сказал Моллет. – Надеюсь, вы получили от прогулки такое же удовольствие, как и я. Этот морской воздух замечательно возбуждает аппетит. Если бы еще на столе ожидало что-нибудь, заслуживающее такого аппетита!

Петтигрю, которому была известна репутация инспектора как любителя поесть, выразил ему свое сочувствие.

Моллет вздохнул.

– На Бридж-стрит, второй поворот отсюда налево, есть небольшое кафе, – сказал он. – Мистер Джеллаби сообщил мне, что против хозяина вот-вот возбудят дело о нарушении

нии Продовольственного регламента. Думаю, вам стоит наведаться туда, сэр, пока не поздно. Говорят, там прекрасная кухня. Сам я как полицейский, увы, не могу позволить себе, чтобы меня там увидели, – заключил он печально.

Глава восьмая. Шум в коридоре

Как справедливо заметил инспектор Моллет, расследование случаев нарушения Регламента, регулирующего производство, торговлю и распределение мелкой продукции, было делом скучным, даже если удостоить его звучного титула «Дело о черном рынке». Петтигрю было трудно поддерживать интерес к предмету, несмотря на тот факт, что теперь он мог не без основания подозревать в причастности к делу одного или даже больше своих коллег по управлению из ближнего окружения. С другой стороны, отношения между этими же людьми как индивидуумами продолжали порождать проблемы, которые – при том что они раздражали его – он не мог игнорировать. К его досаде, они начали проникать и в офис, вместо того чтобы оставаться в пределах нерабочего времени, проводимого в «Фернли».

Такое развитие событий проявилось в целом ряде случаев нарушения тишины за дверью его кабинета. Помещение, занятое Контрольным управлением, вообще говоря, нельзя было назвать тихим местом, но Петтигрю повезло иметь кабинет в самом укромном его уголке. Между ним и гулкими залами, где велась основная работа департаментов, находились женские туалетные комнаты и маленькая каморка, приютившая крикливый чайник мисс Дэнвил. Напротив располагалась лестница, которая вела наверх, в канцелярию.

С другой же стороны от Петтигрю обитали только начальник управления и его непосредственные помощники. Отчасти потому, что они были персонажами степенными, исполненными подобающего собственного достоинства, отчасти потому, что в соответствии с их положением в служебной иерархии им полагались ковры и ковровые дорожки даже в коридорах, ведущих к их кабинетам, с этой стороны не доносилось почти никаких звуков. Таким образом, движение мимо двери кабинета Петтигрю было минимальным. Посторонние посетители начальника проходили через боковую дверь, находившуюся в дальнем конце коридора, а у рядовых сотрудников, если не считать время от времени доставляющих бумаги курьеров, почти не было поводов появляться в августейших пределах. Сидя у себя за столом, Петтигрю мог слышать, если бы дал себе труд прислушаться, отдаленный шум, доносившийся из больших комнат, и шаги посыльных, постоянно снующих вверх-вниз по лестнице. В остальном же его покой нарушался редко.

Поэтому не шум как таковой, тем более что он был слабым и возникал довольно редко, вызвал его неудовольствие, а скорее тот факт, что характер этого шума не вписывался в привычный звуковой фон офиса. Петтигрю пребывал сейчас в таком настроении, что любое отклонение от устоявшейся рутины казалось ему зловеще подозрительным. Он уже наизусть знал распорядок всего, что происходило за его дверью, и мог точно сказать, шаги ли это посыльного, принося-

щего утреннюю почту в комнату мисс Браун, или твердая ведомственная поступь начальника, шествующего в столовую на обед. Но этот шум был иным. Петтигрю вообще не мог соотнести его ни с каким видом служебной деятельности. Шум в основном состоял из быстрых пробежек вперед и назад, сопровождающихся приглушенными разговорами, которые иногда велись в самом коридоре, а иногда (насколько он мог судить) в каморке, где заваривали чай.

Теперь, не будучи столь занятым, Петтигрю мог позволить себе отвлечься на подобные вещи, но пока еще не настроился на то, чтобы предпринять какие-нибудь действия. Несколько раз он собирался было поинтересоваться источником непривычного шума у мисс Браун, но подумал, что в данный момент будет безопаснее ограничить их общение сугубо деловой сферой. Но в каком смысле «безопаснее», он не мог бы сказать. Наконец он решил выяснить все сам и сделал это простейшим способом. Однажды днем, когда таинственный шум достиг апогея, он быстро вышел из кабинета и резко распахнул дверь, ведущую в коридор. Вероятно, сказалась долгая лондонская привычка переходить улицы, потому что он машинально посмотрел сначала направо, в направлении кабинета начальника управления, и как раз вовремя, поскольку успел мельком заметить мужскую фигуру, согнувшуюся пополам возле двери этого кабинета и совершенно очевидно подглядывающую в замочную скважину.

Едва он успел мысленно зафиксировать эту картинку, как

мужчина выпрямился и, заложив руки в карманы, спокойно направился к нему, усиленно изображая непринужденность. Источник света находился у него за спиной, так что Петтигрю узнал мужчину, лишь когда тот приблизился к нему вплотную. Это был Вуд.

– Добрый день, – сказал он, поравнявшись с Петтигрю. Он изо всех сил старался говорить небрежно, но добился лишь того, что приветствие прозвучало сконфуженно.

– Добрый день, – ответил Петтигрю. Казалось, что сказать больше нечего, и Вуд собирался уже было пройти мимо, когда из-за открытой двери буфетной послышался тоненький женский смех. Тембр был знакомым, так что Петтигрю ничуть не удивился, когда в дверном проеме, зажимая рот носовым платком, появилась миссис Хопкинсон с красным от сдерживаемого смеха лицом.

– Здесь есть еще кто-нибудь из ваших друзей? – спросил Петтигрю, обращаясь к Вуду и стараясь, чтобы вопрос прозвучал неодобрительно. Из скучнейшего места на земле Марсетт-Бей, похоже, превращался в настоящий сумасшедший дом, и ему вовсе не хотелось покорно терпеть присутствие здесь этих конкретных его пациентов.

Не без удовольствия он заметил, что от уверенности Вуда не осталось и следа.

– Пожалуйста, не могли бы вы... не могли бы вы говорить не так громко? – пробормотал Вуд. – Видите ли, нам не положено здесь находиться, и... и...

Петтигрю не собирался ему помогать, а Веселая Вдова, судя по всему, от смеха не могла вымолвить ни слова. Так бы и заикался Вуд до бесконечности, если бы помощь не пришла с неожиданной стороны.

– Боюсь, мы попали в весьма неловкое положение, – произнес учтивый голос, и из буфетной появился Иделман. – Не возражаете, старина, если мы все зайдем на минутку в ваш кабинет? А то мы тут слишком на виду.

Петтигрю решительно возражал, в первую очередь против того, чтобы Иделман называл его «старина», тем не менее позволил трем незванным гостям затолкать себя обратно в кабинет. Здесь, снова перехватив инициативу, он быстро прошел за стол и уселся в кресло. Так он чувствовал себя в положении судьи и мог смотреть на нарушителей границ своих владений с чувством превосходства.

– Полагаю, – невозмутимо начал Иделман, – настал, как говорится, момент выложить все начистоту.

Петтигрю счел, что глупость его фразы лучше всего подчеркнуть, не удостоив ее ответом, поэтому молча ждал, когда Иделман заговорит снова.

– Мы оказались в изрядно комичной ситуации, – продолжил тот. – Дело в том, что Вуд пытался провести маленький эксперимент, а мы с миссис Хопкинсон должны были тем временем... Как бы это выразиться?..

– Стоять на стреме, – давясь от смеха, подсказала Веселая Вдова.

– Да-да, полагаю, это школярское выражение весьма точно определяет нашу выходку. Вуд, конечно же, очень не хотел, чтобы его застукали за занятием, которое вполне могло быть превратно истолковано, и...

Петтигрю начинал терять терпение.

– Вы имеете в виду, ему не хотелось, чтобы его застали за подглядыванием в замочную скважину начальника управления. Это я вполне понимаю, – сказал он. – Но вы меня очень обяжете, если перейдете ближе к делу и расскажете, что именно вы задумали.

– Что мы задумали? – вмешалась миссис Хопкинсон. – Вы хотите сказать, что сами не догадались? Разумеется, мы репетировали наш легкомысленный «сюжет».

Петтигрю в недоумении переводил взгляд с одного лица на другое.

– Думаю, это я должен все объяснить, поскольку ответственность лежит в первую очередь на мне, – сказал Вуд. – Человеку, не являющемуся писателем, это немного трудно понять, но я весьма горжусь тем, что в своих произведениях всегда придерживаюсь фактов. Я ведь принадлежу к реалистической школе письма. Вероятно, кто-то сочтет, что мне недостает воображения. Я действительно не могу писать о вещах и местах, которых не видел сам. Чтобы написать историю, мне нужен реальный антураж, а изучая его, я нередко попадаю в довольно щекотливые ситуации. Например, собирая материал для «Смерти на станции «Бейкерлоо», я был

дважды арестован в метро за проникновение в зоны, куда посторонним вход воспрещен, и...

– Прошу прощения, что перебиваю, – сказала миссис Хопкинсон, – но если я сейчас же не уйду, Джудит через минуту начнет меня искать! Хорошо мистеру Иделману, он сам себе хозяин, а у такого маленького человека, как я, все по-другому. Джудит считает, что я пошла... Ну, вы сами понимаете куда, – кивнула она в направлении дамской комнаты, – но нельзя же находиться там полдня. Не хмурьтесь, мистер Петтигрю! Вы же не станете портить нам удовольствие, правда?

– Позвольте уточнить ситуацию, – сказал Петтигрю после ее ухода. – Это, разумеется, не мое дело, но раз уж вы начали объяснять, думаю, следует закончить. Насколько я понимаю, Вуд, вы проводите разведку в этой части здания на предмет сделать ее местом действия своей детективной истории?

– Именно так, – согласился Вуд. – Если помните, в тот вечер, когда впервые возникла эта идея, вы сами сказали, что библиотека могла бы стать великолепным местом действия для совершения преступления. Я лишь раз был в этой комнате, и мне просто необходимо было еще раз на нее взглянуть.

– Кроме того, – подхватил Иделман, – для нашего «сюжета» важно знать, какая часть комнаты видна через замочную скважину.

– Совершенно верно. Вот почему нам все это надо было увидеть своими глазами. Я был озабочен проблемой: как

убийца сможет проникнуть в библиотеку незамеченным. И чтобы решить ее, мне требовалось провести разведку на месте.

– Мы должны были выяснить, кто и в какое время дня ходит по этому коридору, изучить маршруты следования посыльных и так далее, – уточнил Иделман. – Узнать, когда начальника вероятнее всего застать одного...

– Разработать маршруты отступления, – вставил Вуд.

Теперь эта парочка подхватывала реплики друг друга, как хорошо сыгранный актерский дуэт.

– Послушайте, – попытался урезонить их Петтигрю, – но ведь это же чистейший вздор! Когда пишут книгу, то к сюжету приспособливают географию места действия и поступки персонажей, а не наоборот. Неужели вы думаете, я поверю в то, что вы мне тут нагородили?

– Признаю, в некотором смысле ваша критика обоснована, – сказал Иделман после долгой паузы. – Но видите ли, в настоящий момент мы не совсем пишем книгу.

– А я считал, что вы пытаетесь внушить мне именно это, Вуд.

– Конечно, я не могу говорить за Вуда, – продолжил Иделман, не дав Вуду и рта раскрыть. – Он писатель, а я нет. Но что касается моего участия, то мы просто, как выразилась только что миссис Хопкинсон, репетируем свой «сюжет». Мы проверяли, возможно ли было бы на практике совершить гипотетическое преступление, которое мы приду-

мали. В конце концов, было бы бессмысленной тратой времени работать над сюжетом *in vacuo*⁷, не представляя себе, может ли такое случиться в действительности.

– Пустая трата времени – вся эта затея, – возразил Петтигрю. – И...

Но Иделман, подняв указательный палец, сделал ему знак замолчать. Из соседней комнаты послышался свист чайника, пока еще тихий, но набиравший силу. Взглянув на часы, Иделман повернулся к Вуду.

– Десять с половиной минут, – сказал он. – Думаю, времени на все хватает. – И когда послышались торопливые шаги мисс Дэнвил, добавил: – Вот и она, дело сделано. И за все это время, заметьте, никто, кроме нас, в коридоре не появился. Все сходится идеально.

– Зачем, черт возьми, вы втягиваете мисс Дэнвил в свои безумные игры?

– Ну как же, мы ведь договорились, что убийцей будет она, не так ли? И если уж придерживаться реальности, то она вполне способна убить начальника... или кого-нибудь другого, не важно. Нужно только ею правильно проруководить. Она чрезвычайно внушаема. Знаю это по собственному опыту.

Вуд пробормотал Иделману что-то, чего Петтигрю не разобрал.

– Ах да! Вуд напоминает мне, что ваша секретарша, ко-

⁷ В пустом пространстве (*лат.*).

торая не одобряет нашей затеи, сейчас принесет вам чай, так что нам лучше ретироваться. Простите за отнятое время. Обещаем, что больше не потревожим вас никакими репетициями. Мы уже все выяснили – даже насчет оружия. Поскольку вам так интересно, что мы делаем, наверное, следует просветить вас и на этот счет. Должно быть, вы обратили внимание на те длинные, похожие на вертелы штуковины, которыми сотрудники прокалывают бумаги для их сшивания. Они очень острые. Здесь их все называют шилами. Мы решили, что орудием убийства будет именно такое шило. Оно очень подходит к обстановке, вы не согласны? А теперь нам пора. Еще раз – примите наши извинения.

За чаем, который прибыл так подозрительно быстро после ухода нарушителей спокойствия, что в пору было предположить, будто мисс Браун знала об их визите, Петтигрю размышлял над невероятной историей, которую только что услышал. И чем больше он о ней думал, тем труднее было ему поверить в нее. Особенно его озадачивала роль, которую Иделман присвоил себе в этой афере, – роль главного апологета; казалось, он из кожи вон лез, чтобы опередить всех своими высказываниями. Но неужели он и в самом деле мог посвящать часть своего рабочего времени такому абсурдному, совершенно пустому занятию? Другое дело миссис Хопкинсон. Петтигрю считал ее существом безмозглым, которому все равно, в какого рода «играх и развлечениях», как она сама это называла, участвовать. Что касается Вуда, он – писа-

тель, а все писатели, каждый по-своему, немного сдвинутые. Но Иделман! Уж если о нем что-то и можно было сказать, так это то, что он сдвинут как раз на работе. И в его характер никак не вписывается то, что он злоупотребляет служебным временем ради столь бессмысленного занятия. А если он лукавит и говорит неправду, то чем на самом деле может объясняться его интерес?

Петтигрю нахмурился. У него сложилось тревожное впечатление, что Иделман ничего не делает без определенной цели, притом он наверняка должен быть уверен, что это цель, заслуживающая его усилий. Особенно ему не понравилось замечание Иделмана насчет внушаемости мисс Дэнвил. Оно перекликалось с его собственным осторожным предсказанием последствий, которые могли иметь место в случае, если она узнает о роли, предназначенной ей в «сюжете». Не может ли оказаться, что по какой-то причине этот тип замышляет причинить вред бедной уязвимой душе? И если так, то какой именно вред?

Он передернул плечами. Нет, так нельзя! Он снова впадает в мелодраматическую подозрительность по отношению к своим товарищам, при том что причин для этого сейчас даже меньше, чем в предыдущем случае. Это на него не похоже. Определенно атмосфера Марсетт-Бея начинает влиять и на него. Чтобы успокоиться, он открыл папку, которую ему принесли незадолго до того, как он застал Вуда врасплох у двери кабинета начальника, и с интересом обнаружил, что

от него требуют соображений по поводу юридических перспектив судебного иска в связи с серьезным делом о незаконной торговле. Совершенно очевидно, это было именно то дело, о котором говорил Моллет во время их последней встречи. Название фирмы было «Бленкинсоп лимитед». Оно казалось смутно знакомым. Потом он вспомнил, как слова «дело Бленкинсопа» с нарастающими возмущением и резкостью произносила в «Фернли» мисс Кларк, хотя, в чем там была суть, он не мог сказать.

Вскоре он уже увлекся докладом Моллета, который, безусловно, был образцовым в своем роде. Дело, несомненно, могло стать перспективным с судебной точки зрения, но было слишком запутанным, чтобы решить вопрос с ходу за ничтожный остаток рабочего дня. Тем не менее он продолжал читать, надеясь по крайней мере составить общую картину, чтобы подробнее поработать над ним на следующий день. Но через некоторое время его отвлек шум за дверью. Это были знакомые звуки – шарканье шагов, бормотание, сдавленные смешки... Ну нет, это уж слишком! Не то чтобы он поверил обещанию Иделмана и Вуда больше не беспокоить его, но то, что они снова принялись за свое менее чем через час, казалось просто оскорбительным.

В состоянии тихой ярости он снова бросился к двери и распахнул ее. Однако на сей раз возле кабинета начальника никого не было. Вместо этого он увидел, как, поспешно закрыв дверь в комнату его секретарши, мистер Филипс, с

красным лицом, быстро пошел прочь по коридору.

Петтигрю как можно скорее ретировался к себе. Вот уж чего он хотел в последнюю очередь. Подглядывать за личной жизнью мисс Браун, пусть даже случайно, – крайняя степень падения. Что она, упаси бог, может о нем подумать? Он даже намеревался было ринуться в ее комнату с извинениями, но это лишь усугубило бы постыдность ситуации. Она, вполне вероятно, тоже начнет извиняться, и это будет невыносимо. Вина, безусловно, целиком и полностью лежит на Филиппсе, но от этого не легче. Черт бы побрал этого Филиппса! Черт бы побрал Иделмана! Черт бы побрал это Контрольное управление и все, что с ним связано, включая дело Бленкинсопа! Мощная волна ностальгии по Темплу захлестнула его. Он почувствовал себя глубоко несчастным.

Глава девятая. Действие начинается

Хотя на следующее утро мисс Браун предстала перед ним безмятежно спокойной, он испытал облегчение, услышав, что ей разрешили трехдневный отпуск и она сегодня же отправляется дневным поездом в Лондон. Он вежливо пожелал ей приятно провести время и в ответ на ее извинения по поводу того, что так поздно предупредила его, заверил, что при нынешнем затишье в работе юрисконсульта ее отсутствие не причинит ему никаких неудобств.

– Поздравляю вас хоть с таким маленьким глотком свободы, – сказал он. – Меня начальство предупредило, что до Рождества никакого отпуска мне не полагается.

– Вообще-то мне тоже, – ответила мисс Браун. – Но я уговорила начальника отдела кадров дать мне эти три дня в долг в виде исключения.

– В самом деле?

Петтигрю чувствовал, что с него достаточно личных дел мисс Браун, и был решительно настроен не спрашивать ее, какими такими заслугами ей удалось смягчить начальственное сердце, но она сама продолжила:

– Мне неловко напоминать вам о моих личных проблемах, мистер Петтигрю, но я получила образцы предложений из других страховых компаний, которые вы упомянули, и мы с Томом сошлись во мнении, что условия «Импириан» подхо-

дят мне лучше всего.

Том? Ах да, конечно, так зовут Филиппса. Забавно, но Петтигрю никогда прежде не слышал, чтобы она так называла.

– Они требуют, чтобы я прошла медицинское освидетельствование, поэтому я и уговорила начальника отдела кадров дать мне эти три дня в счет будущего отпуска, чтобы сделать это.

– Должно быть, вы проявили недюжинную смекалку. Этот начальник обычно кажется неприступным, как каменная стена, но вы, судя по всему, нашли уязвимое место в этой глыбе. Какая-нибудь прореха в цементном шве или что-то в этом роде? Дайте-ка сосчитать. Сегодня вторник. Полагаю, ваш отпуск начинается со среды. Значит, я должен ожидать вашего возвращения в понедельник, чтобы вы навели порядок в том бедламе, который я учиню за это время?

Мисс Браун покачала головой.

– Мой отпуск начинается с сегодняшнего полудня, – сказала она. – Так что я строго-настрого должна вернуться к полудню пятницы. Мне предложили задержаться до пятничного вечера, но тогда я должна была бы выйти на работу в субботу утром.

– Чудовищно! – воскликнул Петтигрю. – Беру назад все, что сказал об «уязвимом месте». Этот человек, должно быть, сделан из цельного железобетона.

– Это не так уж важно для меня, – успокоила его мисс

Браун. – Кроме медицинского осмотра, в мои планы входило лишь быстро пройтись по магазинам, но я легко смогу уложиться в отведенное время. А лишний день мне, вероятно, пригодится позднее.

Петтигрю внезапно осенило, какова будет цель ее похода по магазинам и зачем ей впоследствии понадобится дополнительный свободный день. Почему-то мысль о том, что она одна едет страховать свою жизнь и покупать скудное по военному времени приданое, выкраивая день от и без того короткого отпуска на медовый «месяц» с Филипсом, вызвала у него прилив жалости. Он ничего не мог с этим поделать, кроме как скрыть от нее тот факт, что объектом жалости является именно она.

– Ну что ж, – сказал он, – в любом случае я не вижу причины, по которой вам необходимо и дальше попусту тратить время в офисе. Нет, не говорите мне, что полдень еще не наступил. Здесь нет ничего такого, что не могло бы подождать до вашего возвращения.

– Я собиралась составить указатель к меморандуму министерства торговли о Льготных таможенных пошлинах для колоний, – нерешительно начала мисс Браун, но он перебил ее:

– Дорогая моя девочка, если бы это выражение не казалось почти богохульным в этих стенах, я бы сказал, что меморандум министерства торговли не стоит и пары булавок из нашей мелкой продукции. Отправляйтесь. Купите себе санд-

вичей в подпольном кафе на Бридж-стрит и постарайтесь пораньше прибыть на вокзал. Тогда вам, может быть, удастся занять место, конечно, если разбойники из министерства контрактов битком не набьют поезд еще в Гринлейке.

Избавившись от секретарши с таким чувством облегчения, какое и представить себе раньше не мог бы, он приготовился провести тихое утро в изучении правонарушений, совершенных фирмой Бленкинсопа.

В целом период отсутствия мисс Браун прошел для Петтигрю лучше, чем он ожидал. Лишь раз он в порядке эксперимента попробовал воспользоваться услугами стенографистки из общего машинописного бюро. По его вызову явилась молодая особа с милостивым личиком. Она смутно напомнила ему о некоем неприятном инциденте в прошлом, однако о каком именно, Петтигрю вспомнить не мог. Вспомнил, только когда особа покинула его кабинет, потому что услышал за дверью вульгарно-доверительный разговор Рикаби, пенявшего ей за то, что он вот уже десять минут ждет ее, чтобы идти обедать.

Только Рикаби недоставало, подумал он, чтобы сделать этот коридор, некогда казавшийся таким уединенным, пристанищем всех придурков управления. С тех пор он зарекся искать замену мисс Браун и довольствовался тем, что складывал в стопку рукописные страницы, которые ей предстояло расшифровать и распечатать по возвращении. Телефон доставлял ему меньше хлопот. Всем звонившим, чьи голоса

казались назойливыми, он ворчливо бросал: «Секретаря мистера Петтигрю нет на месте. Хотите оставить сообщение?» – и с удовлетворением отмечал, что очень немногие готовы были доверить свои послания какому-то помощнику секретаря, каковым он наверняка, с их точки зрения, являлся.

Обстановка в «Фернли» тоже, во всяком случае на тот период времени, стала более цивилизованной. Во вторник вечером Вуд ужинал в городе с друзьями, в результате чего «сюжет», лишившись главного своего сочинителя, не смог выдержать конкуренции со стороны другого аттракциона, который можно было условно назвать «мозговым трестом». Когда Иделман, который (по его собственным словам) был насильно втянут в него, развлекал публику искрометными и весьма оригинальными выпадами против всех социальных и политических реформ, его словесная пиротехника была прервана появлением припозднившейся и слегка нетрезвой миссис Хопкинсон. В отличие от всех остальных известных Петтигрю женщин миссис Хопкинсон, будучи навеселе, становилась обаятельнее, чем всегда. Ее неукротимая веселость невольно заражала окружающих, и, не успев понять, как это случилось, вскоре все уже сидели вокруг стола и с бесшабашным самозабвением играли в дурака. Игра затянулась гораздо позднее обычного для «Фернли» часа окончания вечернего отдыха и закончилась бесспорной победой Филиппа. На следующий вечер мисс Кларк и Веселая Вдова отправились в кино, а Рикаби – в «Белого оленя». Оставшаяся

ся четверка мужчин дружески разыгрывала роббер в бридж картами, слегка залоснившись после вакханалии предыдущего вечера, предоставив мисс Дэнвил мирно размышлять над своей благочестивой книгой. Позднее, укладываясь в постель, Петтигрю отметил, что последние два вечера понравились ему больше, чем все предыдущие, проведенные в Марсетт-Бее. Хроническое невезение, однако, породило в нем склонность к пессимизму, и он невольно поймал себя на мысли, не является ли это затишьем перед бурей.

Так оно и оказалось. В четверг во время ужина стало очевидно, что у мисс Кларк на работе выдался плохой день. Она жестко сцепилась с помощником начальника управления и теперь только и искала повод отыгаться на ком-нибудь, кто окажется под рукой. Атмосфера в гостиной была наэлектризована. Миссис Хопкинсон явилась, как всегда, но на сей раз была не только трезва как стеклышко, но и начисто лишена своего обычного добродушия. Петтигрю, имевший некоторый опыт в подобных делах, решил, что она страдает от похмелья. Вопреки обыкновению она была расположена продолжить начавшийся днем на работе спор, и они с мисс Кларк долго и язвительно перебранивались. В конце концов Филипс объявил, что идет к себе наверх, так как должен закончить какую-то работу, и удалился. Едва за ним закрылась дверь, как мисс Кларк и миссис Хопкинсон, объединив усилия, принялись поносить его. Смысл их нападок был до боли знаком Петтигрю. Филипс, мол, коварная злонамеренная

скотина, когтями и зубами вцепившаяся в бедную глупышку Браун. Скандальному развитию событий следует воспрепятствовать. Как жаль, что нет никого, кто мог бы предостеречь ее от неверного шага. И так далее.

Мисс Дэнвил, которая обычно слишком боялась мисс Кларк, чтобы вмешиваться в спор, участницей которого та была, на сей раз набралась храбрости и начала защищать мистера Филипса. Она заявила, что считает его чрезвычайно милым, разумным, преданным человеком и что мисс Браун повезло завоевать привязанность столь достойного мужчины. На это мисс Кларк лишь фыркнула, давая понять, что мнение мисс Дэнвил о мистере Филипсе и вообще о ком бы то ни было не имеет для нее ни малейшей ценности. Миссис Хопкинсон же вдруг яростно обрушилась на несчастную мисс Дэнвил. Это ведь она, как всем известно, виновата в том, как сложилась ситуация, это она из каких-то своих темных побуждений пытается бросить ничего не подозревающую девушку в объятия мужчины, который ничем не лучше мормона.

– Как вы можете говорить подобные вещи? – запротестовала бледная, потрясенная мисс Дэнвил.

– Да, мормон! – повторила миссис Хопкинсон. – Вот кто он есть на самом деле! Называет себя вдовцом, вы ж понимаете! Все они так говорят! Я точно знаю, что у него есть жена, да, и трое детишек, бедных брошенных им крошек. Вот увидите, он погубит эту девушку, и вы будете за это ответ-

ственны!

– Это неправда! Это неправда! – вскричала мисс Дэнвил, теперь уже почти рыдая.

Перебранка, которая поначалу велась приглушенными голосами в одном углу гостиной, откуда доносились лишь бессвязный лепет и шипение, разгораясь, сделалась достаточно громкой, чтобы привлечь внимание остальных. Петтигрю, который в противоположном конце комнаты пытался писать письмо, услышав последнее высказывание миссис Хопкинсон, понял, что пора вмешаться.

– Не следует говорить подобные вещи, – строго сказал он, подходя к развоевавшимся дамам. – Если вы, миссис Хопкинсон, продолжите выдвигать такого рода обвинения, у вас могут возникнуть серьезные неприятности.

– Но это же правда, – не унималась миссис Хопкинсон.

– В самом деле? Может, скажете мне, какие у вас есть доказательства того, что вы утверждаете?

– Это все знают, – сердито огрызнулась миссис Хопкинсон. – И нечего говорить об очевидном своим крючкотворским юридическим языком.

– Тем не менее я скажу вам еще кое-что своим юридическим языком, – сурово ответил Петтигрю, – и надеюсь, что ради вашего же блага вы меня поймете. Вы только что обвинили мистера Филиппса в намерении совершить двоеженство – это очень серьезное обвинение. Если кто-нибудь захочет передать ему ваши слова, он может подать на вас в суд

за клевету, и вам придется заплатить такой штраф, что вся ваша жизнь пойдет под откос. Я достаточно ясно выразился?

Впечатление, которое произвела его речь на миссис Хопкинсон, доставило ему удовлетворение. Она покраснела как рак, пробормотала что-то, чего Петтигрю не смог разобрать, и присоединилась к мисс Кларк, которая к тому времени уже ретировалась в дальний угол гостиной. Победа была легкой, однако Петтигрю не мог не испытывать смущения, размышляя о том, что миссис Хопкинсон, пусть с излишним художественным преувеличением, лишь облекла в слова те мысли, которые еще совсем недавно тревожили его самого. К действительности его вернул жалобный голос мисс Дэнвил:

– Это ведь неправда, мистер Петтигрю! Скажите, что это неправда! – Она была вконец расстроена, в ее больших темных глазах блестели слезы, и она дрожащими руками шарילה в сумке в поисках носового платка.

– Конечно же, это неправда, – ласково сказал Петтигрю, опускаясь рядом с ней на диван. – Не думайте больше об этом.

Но ее не так просто было успокоить.

– Легко сказать, – причитала она, – вы же не знаете наверняка. Нет дыма без огня. Если бы это было неправдой, зачем бы миссис Хопкинсон...

– Я понятия не имею, почему миссис Хопкинсон ведет себя подобным образом. Может быть, настроение у нее сейчас такое, что хочется сеять раздор. А что касается дыма и

огня, то я считаю, что это самая глупая поговорка на свете. Каждый легковверный сплетник вытаскивает ее на свет как оправдание...

Он замолчал, заметив, что попусту тратит силы. Мисс Дэнвил была не способна воспринимать разумные доводы. Сомнение было посеяно в ее безумной голове, и никакие аргументы не могли изгнать его оттуда. Тогда Петтигрю попробовал другую тактику.

– Не по-христиански таить в душе подозрения насчет другого человека, – сказал он.

Лицо мисс Дэнвил просветлело.

– Да! – забормотала она. – Я буду молиться... Но все же, о-о-о, – снова завела она старую песнь, поворачиваясь к нему, – если бы только получить реальное доказательство того, что я не подтолкнула бедную девочку к страшной ошибке! Если бы кто-нибудь мог сказать мне наверняка, что это неправда!

– Я могу, – торжественно объявил Петтигрю. – Я знаю, что это неправда.

– Вы знаете?

– Я точно знаю, что мистер Филипс – вдовец. Можете быть спокойны на этот счет.

– Благодарю вас, благодарю вас, мистер Петтигрю! – Но тут же ее лицо снова омрачилось сомнениями. – Вы говорите это не для того, чтобы просто успокоить меня? – жалобно спросила она. – У вас есть... как это вы недавно выразились? У вас есть доказательства?

– Да, у меня есть доказательства.

Она вздохнула с облегчением, потом положила ладонь ему на руку и прошелестела:

– Пожалуйста, простите меня, но я так расстроилась. Не будет ли слишком с моей стороны попросить вас показать их мне? Тогда я смогу больше никогда об этом не беспокоиться.

Петтигрю поколебался несколько секунд, но его сочувствие мисс Дэнвил было слишком глубоким, чтобы отказать. К тому же он считал, что обязан любой ценой прекратить эту клевету. А кроме того, ему совсем не хотелось выступать в суде в качестве свидетеля по делу о диффамации⁸. Чтобы избежать этого, стоило рискнуть и нарушить конфиденциальность. Его личные бумаги лежали в кейсе, который он оставил возле письменного стола. Он сходил за ним, достал из него копию письма Тиллотсона и вручил ей.

– Вот доказательство, – сказал он, почти не сомневаясь, что мисс Дэнвил не станет допытываться, как попало к нему письмо, а тем более задавать вопросы о юридической правомочности копии в сравнении с оригиналом.

Мисс Дэнвил принялась медленно читать письмо, шевеля губами. Петтигрю был готов к бурному проявлению эмоций со стороны находившейся в нервном возбуждении женщины, когда она увидит черным по белому написанное опровержение гротескных обвинений против Филиппа, но реак-

⁸ Диффамация (от *лат.* *diffamare* – порочить) – распространение порочащих сведений.

ция оказалась еще более острой, чем он ожидал. Прочитав первую фразу письма, она просияла, но к концу абзаца уже обливалась слезами.

Петтигрю, не впервые с тех пор как приехал в Марсетт-Бей, почувствовал себя страшно смущенным. Он не мог найти слов, чтобы утешить ее. Впрочем, он уже предъявил ей утешительное свидетельство, а если результатом оказалось столь безудержное излияние чувств, он больше ничего не мог поделать, разве что ждать, когда она перестанет рыдать и начнет вести себя разумно. Если бы мисс Браун была здесь! Она, как никто другой, сумела бы успокоить мисс Дэнвил, во всяком случае, не стала бы бездействовать. Но, с другой стороны, будь она здесь, такая неприятная ситуация не возникла бы вовсе.

Мисс Дэнвил решила проблему сама – не тем, что перестала плакать, а тем, что покинула комнату, на ходу вытирая глаза насквозь промокшим платком. Петтигрю поспешно схватил свое «доказательство», чтобы убрать его в кейс. В этот момент к нему приблизилась миссис Хопкинсон, которая, судя по всему, наблюдала за ними из дальнего угла гостиной. Петтигрю недовольно посмотрел на нее, но, похоже, она была решительно настроена на примирение.

– Простите за всю эту кутерьму, – сказала она. – Тем более в тот момент, когда между нами начали складываться приятельские отношения. Это моя вина, но есть вещи, которые порой приводят меня в бешенство. Знаю, у меня злой язык,

но такая уж я есть.

Петтигрю был слишком сердит на нее, чтобы хоть что-нибудь ответить. Он положил письмо обратно в кейс и резко защелкнул замок. Но от миссис Хопкинсон не так легко было отделаться.

– Вы такой хороший человек, мистер Петтигрю, – с мольбой сказала она. – Вы ведь не донесете на меня мистеру Филипсу, правда? Мне ненавистна сама мысль о том, чтобы быть оштрафованной на тысячи фунтов в возмещение морального ущерба. Даже если бы они у меня были. Смешное предположение! – добавила она, хихикнув.

– Я постараюсь как можно быстрее забыть об этом инциденте и советую вам сделать то же самое, – сдержанно порекомендовал Петтигрю.

– Вот! Я же знала, что вы хороший человек. У меня просто гора с плеч – уф! Да, а как насчет мисс Дэнвил? Думаете, она меня не выдаст?

– Естественно, за мисс Дэнвил я отвечать не могу.

– От этой чокнутой можно ожидать чего угодно, – брюзгливо проворчала миссис Хопкинсон. – Вы видели, в каком она только что была состоянии? Смеялась и плакала одновременно.

– Ну уж за это вы должны благодарить себя сами, миссис Хопкинсон.

Теперь возмутилась миссис Хопкинсон.

– Нет, мне это нравится! – воскликнула она. – Это же вы

выбили ее из колеи, я все видела. Вы показывали ей какое-то письмо или что там еще!

Петтигрю приложил максимум усилий, чтобы сохранить хладнокровие, но это было уже чересчур.

– Наш разговор затянулся, – сказал он. – Я не намерен стоять здесь и выслушивать ваши обвинения. После того как вы вконец расстроили мисс Дэнвил своими дикими инсинуациями, я был вынужден сделать все, чтобы исправить положение. Что же касается письма, которое я дал прочесть мисс Дэнвил, то вам, возможно, будет интересно узнать, что оно от поверенного покойной миссис Филипс и в нем подтверждается факт ее смерти.

Он уже жалел, что сболтнул лишнего, но оно того стоило, чтобы увидеть выражение лица миссис Хопкинсон.

– Вот это да! – воскликнула она. – Значит, я действительно попала в передрагу? Она наверняка расскажет ему или этой Браун – что одно и то же. Мистер Петтигрю, как вы думаете, что мне теперь делать?

– Я не могу давать вам советов. Сами попали в беду из-за своего несдержанного языка, сами и выпутывайтесь как можете.

– Ну правильно! – взорвалась миссис Хопкинсон. – Давайте, пинайте девушку ногами, раз уж она упала! Не так ли поступают все мужчины? Ладно, я знаю, что мне делать, и без вашего совета, благодарю покорно! При первом же удобном случае расскажу все мистеру Филипсу начистоту и по-

прошу у него прощения, прежде чем кто-нибудь из этих женщин донесет на меня. После этого ему будет неловко что-либо предпринимать.

У Петтигрю были большие сомнения относительно разумности такого шага, но, учитывая только что им сказанное, ему едва ли стоило оглашать свое мнение. Поэтому он молча проводил взглядом миссис Хопкинсон, снова удалившуюся в другой конец комнаты, и после недолгих колебаний присоединился к тесному кружку, собравшемуся вокруг камина.

Здесь тем временем, слишком поглощенные собственными заботами, чтобы интересоваться тем, что происходит вокруг, Иделман и мисс Кларк с пристальным вниманием слушали Вуда, который явно разворачивал перед ними экспозицию «сюжета».

– Таким образом, – вещал он, – в целом все вполне готово.

Петтигрю с любопытством отметил, какую уверенность в себе и авторитетность обрел Вуд теперь, когда имел дело с собственным сюжетом, по сравнению с той застенчивостью, которую он продемонстрировал, когда впервые был обнародован факт его литературной деятельности.

– Вот план места действия, – продолжал он. – Боюсь, он весьма схематичен, но представление составить позволяет. А вот расписание передвижений всех подозреваемых. Разумеется, у каждого есть алиби – или на первый взгляд кажется, что есть. Единственный, кого я пока не отработал, – это Рикаби, но я предлагаю...

– А мистер Рикаби обязательно должен участвовать? – перебила его мисс Кларк. – Он кажется мне такой нежелательной во всех отношениях фигурой.

– Но мы ведь обо всем уже договорились, мисс Кларк, разве вы не помните? А кроме того, он нам действительно нужен. Так вот касательно Рикаби. Я предлагаю, чтобы...

– Кто тут поминает мое имя всуе? – прервал его Рикаби, как раз в этот момент вошедший в гостиную. Он сильно выпил, и ему в отличие от миссис Хопкинсон это ничуть не прибавило обаяния. – Так кто?.. А-а, «сюжет», понимаю! Слушайте, друзья, мне только что пришла в голову потрясающая идея. Она посетила меня в «Белом олене», и я галопом мчался всю дорогу, чтобы вам о ней рассказать. Слушайте. Обещаю, вы будете сражены. Честное слово. Слушайте же. Почему бы наше убийство не доверить Петтигрю? Он тот, кто нам нужен. Петтигрю, мы все время оставляли вас за рамками, и это неправильно. Он тот, кто нам нужен, – повторил Рикаби. – Основательный, хитрый и... Основательный и все такое. Он просто...

– Не будьте смешным, Рикаби, – оборвал его Иделман. – Все решено уже несколько недель назад. Убийство должна совершить мисс Дэнвил.

– О! Мисс Дэнвил? – воскликнул Рикаби так, словно впервые услышал это имя. – Ну, если вы так думаете... Мисс Дэнвил... Только имейте в виду, я по-прежнему считаю свою идею чертовски удачной, а вы, Петтигрю? Впрочем, если вы

так решили, пусть так и будет.

– Полагаю, вам лучше отправиться спать, мистер Рикаби, – заявила мисс Кларк трубным голосом, которым обычно пользовалась в офисе.

– Да, наверное, – кротко согласился Рикаби. Когда мисс Кларк обращалась к кому-нибудь своим «офисным» голосом, нужно было быть либо гораздо более пьяным, либо обладать гораздо более решительным, чем у Рикаби, характером, чтобы отважиться ей возразить. Тем не менее, направляясь к двери, он постарался изобразить походку, исполненную самодовольства. Распахнув дверь, он оказался лицом к лицу с мисс Дэнвил, собиравшейся войти. – О, вот и вы! – воскликнул он с хмельной вежливостью. – А мы как раз говорили о вас, мисс Дэнвил!

Не обратив на него никакого внимания, мисс Дэнвил направилась через всю комнату туда, где стоял Петтигрю. Лицо ее было по-прежнему бледным, но слезы высохли.

– Мистер Петтигрю, боюсь, вы сочтете, что я веду себя очень глупо, – поспешно заговорила она тихим голосом, – особенно после того, сколь добры вы были со мной, но я должна...

Рикаби, все еще придерживая дверь, почувствовал, что его проигнорировали, а он был не в том настроении, чтобы стерпеть это.

– С Петтигрю говорить бессмысленно, – перебил он ее. – Его отвергли. Я предлагал его кандидатуру, но ее отвергли.

Выбрали вас.

– Выбрали? – переспросила мисс Дэнвил. – Не понимаю. Для чего выбрали?

– Для совершения убийства, разумеется!

– Замолчите, идиот! – сказал Петтигрю. Но было поздно.

– Не слушайте его, мисс Дэнвил, – продолжал Рикаби. – Он просто завидует, потому что выбрали не его. Убить начальника выпало вам. Это решено. Вуд все подготовил, и все расписано в «сюжете». Вы должны благодарить прежде всего старину Вуда.

Но было очевидно, что мисс Дэнвил испытывает что угодно, кроме благодарности. Багровый румянец стал разливаться по ее щекам, она задрожала.

– Значит, вы хотите, чтобы я убила человека? – медленно произнесла она громким низким голосом, совершенно не похожим на ее обычный.

Петтигрю попытался еще раз спасти ситуацию.

– Это всего лишь шутка, – сказал он. – Глупая история, которую эти люди выдумали...

– Шутка?! – повторила мисс Дэнвил голосом, взлетевшим на несколько тонов. – Значит, вы все тут думаете, что смерть и страх смерти – всего лишь объект для шутки? Вы... – она обернулась к Вуду, – сделавший смерть своим увлечением и тратящий жизнь на то, чтобы придумывать все новые способы отнятия жизни у таких же человеческих существ, как вы сами, и вы, – она посмотрела на Иделмана, откинувшегося на

спинку стула и наблюдавшего за этой сценой с бесстрастным интересом, – пытавшийся склонить меня к убийству женщины... Что я всем вам сделала, почему вы преследуете меня? О Господи, – уже визжала она, – неужели это мне за то, что я молила Тебя провести меня мимо долины смертной тени?..

– Мисс Дэнвил! – Лишь голос мисс Кларк был способен перекричать ее в этот момент. – Сейчас же прекратите нести этот бред! Вы что, сумасшедшая?

На миг воцарилась мертвая тишина, а потом случилось нечто ужасное. Мисс Дэнвил начала хохотать. Она хохотала страшно, не владея собой, по ее щекам катились слезы, а палец указывал на мисс Кларк.

– Может быть, и так, – сказала она наконец. – Может, и сумасшедшая. В конце концов, я только семь лет назад вышла из Чоквудского сумасшедшего дома! – И она повернулась, чтобы уйти.

Филипс, вероятно, привлеченный доносившимся снизу шумом, вошел в гостиную за секунду или две до того. Ошеломленный тем, что увидел и услышал, он направился к ней, чтобы проводить, но она в бешенстве оттолкнула его и убежала из комнаты.

Глава десятая. Свистящий чайник

На следующий день завтрак в служебной гостинице «Ферли» прошел в непривычной тишине, хотя и в другие дни действо это разговорами не изобиловало. Разыгравшаяся предыдущим вечером сцена оставила у всех участников чувство вины. Они жевали и глотали флегматично, почитывая газеты и избегая смотреть в глаза друг другу. Мисс Дэнвил не появилась. Петтигрю рискнул поинтересоваться у мисс Кларк состоянием ее сотрудницы и получил ответ, что она выпила чашку чаю у себя наверху, после чего заперлась.

– Я поговорила с ней через дверь, – сообщила мисс Кларк, – и она сказала, что ничего не хочет. Я предложила ей официально взять освобождение по болезни, но она ответила, что чувствует себя намного лучше и собирается вовремя прибыть в офис. Честно признаться, я бы предпочла, чтобы она этого не делала. Ситуация будет очень неловкой. Думаю, мой долг – поговорить о ней с начальником отдела кадров. Если понадобится, он обсудит это дело с начальником управления.

Петтигрю пробормотал нечто неопределенное. Он понимал трудности мисс Кларк, но его сочувствие оставалось на стороне мисс Дэнвил. Было очевидно, что ее дни в Контрольном управлении сочтены. Он предвидел, что будет скучать по несчастному измученному существу, и задавался вопро-

сом, какое будущее ждет мисс Дэнвил в мире, который и так уже обошелся с ней столь сурово.

До обеда он был слишком занят работой, чтобы думать о бедах мисс Дэнвил или чьих-либо еще. Последние два дня он наносил окончательные штрихи в деле провинившейся компании Бленкинсопа и полностью посвятил себя тому, чтобы распутать оставшиеся клубки этого сложного дела, прежде чем отослать его судебным властям в Лондон. Делу Бленкинсопа предстояло стать первым судебным делом с момента его назначения на должность, и Петтигрю был полон решимости создать управлению достойную репутацию. Наполовину выполнив эту работу, он прервался и направился в столовую, однако в его голове продолжали вертеться цифры, даты и описи в сопровождении выстроившихся боевыми порядками статутных правил и приказов, инструкций и прочих непреложных атрибутов деятельности управления.

К действительности он вернулся лишь тогда, когда в середине обеда на его столе появился другой поднос; подняв голову, он увидел мисс Дэнвил, присевшую рядом с ним. Она казалась совершенно спокойной и нормальной, если не считать того, что ее тонкие губы были плотно сомкнуты в прямую линию, что придавало ей необычно решительный и, с точки зрения Петтигрю, весьма тревожный вид. Было в ее облике нечто, наводящее на мысль, что она твердо намерена открыть ему свою душу, и от этой перспективы ему сделалось не по себе. Все больше и больше, и всегда против сво-

ей воли, он оказывался втянутым в личные дела коллег и решительно настроился не вникать в них дальше, если только это будет возможно. Ради собственного душевного покоя он должен воспрепятствовать намерению мисс Дэнвил (по возможности деликатно, при необходимости – жестко). И он поспешил опередить ее, не дав заговорить первой.

– Не ожидал увидеть вас здесь сегодня, – сказал он. – Я так понял, что вы не выйдете на работу. Вы уверены, что поступили разумно?

– Благодарю вас, я чувствую себя лучше. Мисс Кларк предложила мне взять бюллетень по болезни, но у меня была особая причина прийти. Я хотела до наступления вечера повидаться с вами, мистер Петтигрю.

Петтигрю демонстративно проигнорировал ее последнюю фразу.

– Я думаю, это было опрометчиво с вашей стороны, – гнул он свою линию. – Вы явно еще слишком слабы. Самым лучшим для вас было бы отлежаться денек в постели.

Мисс Дэнвил покачала головой.

– Это же говорила мне и мисс Кларк, – заметила она так, словно это само по себе могло служить достаточным ответом на его предложение.

– Я считаю, она была права. Знаю, с ней порой бывает трудно поладить, но в данном случае она пеклась о вашем благе.

– Сегодня утром она была со мной очень терпелива, – со-

гласилась мисс Дэнвил. – Давала мне только самые легкие задания и разрешила пораньше уйти домой. Но я сказала, что обязана остаться и, как обычно, сделать чай для всех. Похоже, это единственная полезная работа, которую я тут выполняю.

– Думаю, один раз кто-нибудь мог бы выполнить ее за вас, – заметил Петтигрю.

Но дольше водить мисс Дэнвил окольными путями было невозможно.

– Насчет прошлого вечера, – решительно сказала она. – Кое-что я должна объяснить.

– Прошу вас! – запротестовал Петтигрю. – Уверяю, вам ничего не нужно объяснять, совершенно ничего.

– Нет, нужно, – настаивала она. – Я знаю, вы думаете, что...

– Я думаю, что с вами поступили недостойно, и мое сочувствие – на вашей стороне. Но я не считаю, что дальнейшее обсуждение принесет хоть какую-то пользу.

– Я собиралась не что-либо с вами обсуждать, мистер Петтигрю, а кое-что вам рассказать.

– Послушайте, – возразил Петтигрю весьма твердо, – я не знаю, насколько четко вы помните прошлый вечер, но в какой-то момент вы обмолвились, что когда-то страдали тем, что с медицинской точки зрения является просто особого рода болезнью. Я принял к сведению этот факт точно так же, как принял бы любой другой факт из жизни знако-

мого человека. – Его сердце гулко ударилось о ребра, когда он увидел, как съежилась при последних словах мисс Дэнвил. – Или, скажем, не очень давнего друга, – поспешно поправился он. – Но, откровенно говоря, это не то дело, которое меня особо касается, во всяком случае, я не компетентен в нем, чтобы давать советы. Что же до вашей работы здесь, то это вопрос, который должен решаться между вами и вашими официальными начальниками. Не подумайте, что я вам не сочувствую, но в этом плане я абсолютно ничего не могу сделать. А теперь, если позволите, мне нужно вернуться к работе.

Чувствуя себя так, словно он только что ударил ребенка, Петтигрю встал из-за стола.

– Прошу вас, – взмолилась мисс Дэнвил, почти с отчаянием глядя на него снизу вверх, – скажите мне только одно. Когда возвращается мисс Браун?

– Насколько я знаю, сегодня вечером. Разве она вам не сказала?

– Да, теперь я вспомнила, сказала. Но я иногда забываю какие-то вещи... Пока что-нибудь мне о них не напомнит...

– Послушайте, – сказал Петтигрю, немного смягчаясь, – если вам нужно с кем-нибудь поговорить о сложившейся ситуации, почему бы не дождаться возвращения мисс Браун? Вы с ней близкие друзья, и вам будет гораздо легче говорить с другой женщиной, нежели со мной.

– Да-да, так я и сделаю. Разумеется, так и сделаю, – слы-

шал он ее бормотание, вставая из-за стола.

Вернувшись к себе, Петтигрю не без труда переключил мозги с проблем мисс Дэнвил на проблемы Бленкинсопа, но до того успел испытать укор совести, представив себя левитом, который «подошел, посмотрел и прошел мимо»⁹. Утешило его лишь то, что в отличие от левита он знал: добрый самаритянин уже спешит на помощь вечерним поездом. И в его надежные руки он с легким сердцем передавал путника. Совесть его таким образом успокоилась, и он проработал несколько часов кряду. Документы по делу Бленкинсопа были закончены и лежали на подносе с надписью «Исходящие», когда первые робкие звуки чайного свистка оповестили о том, что уже четыре часа.

В отсутствие мисс Браун Петтигрю был вынужден обходиться без дневного чая. Безупречная во всех иных отношениях, она забыла перепоручить эту обязанность кому-нибудь другому. Сам он заварить себе чай не мог, так как не знал, где находится его поднос и заварной чайник. Таким образом, свисток чайника представлял для него сейчас интерес лишь как индикатор времени, а не как предвестие перерыва в работе. Он не обратил на него особого внимания, но его удивило, что шаги мисс Дэнвил раздались почти сразу после того, как чайник начал свистеть; в другие дни она появлялась лишь тогда, когда он надрывался уже в полную силу. А потом произошло нечто странное. Вместо того чтобы

⁹ См. притчу о добром самаритянине. Евангелие от Луки 10: 30–36.

резко оборваться по прибытии мисс Дэнвил, выключавшей плиту, свист продолжился. Он достиг максимальной громкости и никак не смолкал. Казалось, все здание сотрясается от яростного настойчивого свиста.

И в тот момент, когда Петтигрю уже казалось, что он больше не выдержит этой пытки, дверь распахнулась, и он с удивлением увидел на пороге мисс Браун. Она была без шляпы, в рабочем костюме и выглядела так, словно никуда и не отлучалась.

– Что это значит? – спросил он. – Вы ведь должны появиться на работе только завтра. Что скажет начальник отдела кадров?

– Это из-за сбоя в движении поездов, – ответила она. – Дневной поезд из Лондона отменили, а я не захотела ехать на последнем, потому что он прибывает только в полночь. Поэтому села на утренний и решила использовать образовавшееся время, чтобы подшить документы...

– Да, знаю, меморандум министерства торговли. Какие же вы, женщины, целеустремленные. – Не удержавшись, Петтигрю добавил: – Это будет настоящим сюрпризом для мистера Филипса.

Мисс Браун не смутилась, не покраснела, а лишь спокойно ответила:

– Не думаю. Я телеграфировала ему о том, что приеду раньше.

– Ну, для меня, во всяком случае, это приятный сюрприз.

И первым заданием для вас будет принести мне чаю. У меня скопился трехдневный запас сахара. Но когда же мисс Дэнвил прекратит этот адский свист? Мне показалось, что я слышал ее шаги, впрочем, наверное, это были вы. И поскольку вы несете ответственность за это жуткое устройство, пожалуйста, сделайте с ним что-нибудь, пока у меня не лопнула голова.

– Сейчас пойду посмотрю.

Мисс Браун вышла из комнаты, но вернулась почти сразу же.

– Пожалуйста, не можете ли вы пройти со мной? – задыхаясь, попросила она. – Мне кажется, там что-то неладно.

Петтигрю быстро последовал за ней по коридору. У двери буфетной они встретились с миссис Хопкинсон, которая пришла с другой стороны, от Лицензионного департамента.

– Когда же наконец мы получим свой чай? – прокричала она, перекрывая звук свистка. – Где эта Дэнвил, снова молится, что ли?

– Я не знаю, что случилось, – сказала мисс Браун. – Дверь не открывается.

– Я же говорила! Она впала в религиозный экстаз, так уже один раз было, только теперь она еще и закрылась изнутри. Эй, проснитесь! – Она забарабанила в дверь кулаком.

Петтигрю повернул ручку и налег плечом на дверь. Та, без сомнения, была заперта. Как все в доме лорда Эглуисврва, дверь была сработана на совесть, и Петтигрю почувствовал

себя беспомощным, тщетно пытаюсь преодолеть ее мощное сопротивление, поэтому обрадовался, увидев, что по коридору к ним приближается посыльный.

Посыльные в государственных учреждениях обычно не спешат, не спешил и этот. Обычным размеренным шагом подойдя к маленькой группе взволнованных людей, он остановился и спросил:

– Что, дверь заперта?

– Да, – раздраженно ответил Петтигрю. – Помогите мне ее сломать, пожалуйста. Вероятно, там что-то случилось.

Посыльный медленно опустил на пол стопку бумаг и полез в карман. Пошарив там, достал ключ.

– Им можно открыть большинство дверей в этом здании, – сообщил он и вставил ключ в замочную скважину.

Ключ повернулся. Распахнув дверь, Петтигрю ворвался внутрь, за ним обе женщины. Маленькое помещение было заполнено паром от кипящего чайника, крышка на котором бешено плясала, а свисток продолжал реветь, словно въезжающий в тоннель локомотив.

Мисс Дэнвил стояла на коленях, а точнее, корчилась на полу, прислонив голову к ножке стола, на котором стояла газовая плитка.

– Ну, что я вам говорила? – вскричала миссис Хопкинсон. – Снова она за свое! Господь милосердный!

Пока она говорила, мисс Дэнвил начала медленно сползать набок. Петтигрю подоспел вовремя, чтобы подхватить

ее. Он заметил, что лицо у нее мертвенно-бледное, а дыхание редкое и судорожное.

– Миссис Хопкинсон, где-то в здании должен быть пункт первой медицинской помощи, – крикнул он. – Бегите приведите их. Мисс Браун, звоните немедленно в скорую.

Продолжая поддерживать мисс Дэнвил одной рукой, он протянул другую и выключил газ. В маленькой комнате внезапно наступила полная тишина.

Петтигрю только теперь осознал, что посыльный стоит у него за плечом. В суматохе он совершенно забыл о нем.

– Вы не думаете, сэр, что лучше положить ее? – сказал тот. – И открыть окно, чтобы дать ей глотнуть свежего воздуха.

Петтигрю опустил обмякшее тело на пол и, встав на колени, положил голову мисс Дэнвил себе на ладони. Тем временем посыльный распахнул окно. Было очевидно, что мисс Дэнвил находится в состоянии глубокого коллапса, но никаких признаков ранения видно не было.

– Надеюсь, люди из пункта первой помощи не задержатся, – пробормотал он.

– Знаю я их, – недовольно заметил посыльный. – Когда они нужны, их никогда нет, а когда все же прибывают, пользы от них – кот наплакал. – Он подошел поближе, всмотрелся в лежавшую на полу фигуру и добавил: – Впрочем, если не ошибаюсь, здесь уже все равно никто ничем не поможет.

В этот момент веки мисс Дэнвил дрогнули, приподнялись,

она посмотрела на Петтигрю, и что-то в ее взгляде подсказало ему – она его узнала. Потом она тихо что-то зашептала, он наклонился, но голос был настолько слаб, что он ничего не расслышал. Затем по ее телу пробежала легкая дрожь, и Петтигрю ощутил в ладонях мертвую тяжесть ее головы. Второй раз за этот день мисс Дэнвил не удалось сказать ему то, что она хотела, а третьего шанса ей явно не было дано.

То ли потому, что посыльный оказался прав и сотрудников пункта первой медицинской помощи, по обыкновению, не было на месте, то ли потому, что мисс Браун оказалась расторопнее в критической ситуации, чем миссис Хопкинсон, но первой прибыла скорая. Испуганная молодая женщина из пункта первой помощи явилась на несколько минут позже. Одновременно с врачом, которого мисс Браун вызвала по собственной инициативе. К тому времени мисс Дэнвил уже лежала на носилках, и санитары скорой безучастно взирали на нее.

– Боюсь, она умерла, доктор, – сказал фельдшер скорой. – Мы пробовали делать искусственное дыхание – без толку.

Врач оказался совсем зеленым и понимал, что у фельдшера гораздо больше опыта встреч со смертью в различных ее проявлениях, чем у него. Тем не менее он произвел беглый осмотр, в конце которого, кивнув, согласился с мнением фельдшера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.